

Федор Раззаков

«Я,
конечно,
вернусь...»

Владимир
ВЫСОЦКИЙ

Федор Ибатович Раззаков Владимир Высоцкий: Я, конечно, вернусь...

Текст предоставлен издательством «Эксмо»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=179517

Владимир Высоцкий: Я, конечно, вернусь...: Эксмо; Москва; 2005

ISBN 5-699-12406-3

Аннотация

Время – истинный судья поэта. Владимир Высоцкий прошел испытание временем. Четверть века минуло с тех пор, как страна простилась со своим Певцом. Но число тех, для кого его творчество не просто стихи, а жизнь и судьба, не становится меньше. Перед вами подробнейшая хроника жизни Высоцкого. День за днем, час за часом. Без купюр и без прикрас. Как и многие великие поэты, он рано надорвался. За этим, наверное, скрывается его подлинная сущность – не жалея себя, хриплым голосом кричать правду, недоступную многим. Он при жизни стал легендой, а после смерти перешагнул и эту ипостась. Стал просто частью души...

Содержание

Часть первая	4
1938–1964	4
1965	85
1966	103
Конец ознакомительного фрагмента.	123

Федор Раззаков Владимир Высоцкий: Я, конечно, вернусь...

Жене и дочери посвящаю

Часть первая

1938–1964

Владимир Семенович Высоцкий родился **25 января 1938 года** в Москве. Его родители – Нина Максимовна Серегина и Семен Владимирович Высоцкий – познакомились в 36-м, за два года до рождения Володи. Какое-то время жили в Новосибирске, а незадолго до появления на свет сына переехали в Москву, в коммунальную квартиру на Первой Мещанской, дом 126.

Где-то в полтора года у Володи сильно заболело горло. Сводили мальчика к врачу, и тот обнаружил увеличение миндалин. Их потом пришлось вырезать. Операция в общем-то легкая, но у Высоцкого она прошла тяжело – миндалины были такие большие, что даже стесняли ему язык. Но

операцию он перенес хорошо.

Вспоминает Н. Высоцкая: «Володя был покладистым ребенком, без особых капризов. Я с работы звонила узнать, как идут дела, он сам подходил к телефону. Я спрашиваю:

– Что ты делаешь?

– Играю.

– А тетя Надежда что делает?

– Она ничего не делает, только говорит: «Ой-ой-ой!» (У нее было воспаление среднего уха, и она очень страдала)...

Игрушек у Володи было хоть и немного, зато они были очень хорошие. Двести с лишним штук больших кубиков деревянных с картинками. Он строил из них замки, потом были машинки, а гаражом была тумбочка – он «р» не выговаривал и произносил «га-аж». Потом подарили ему лошадку – теперь уже таких не делают. Она была покрыта шкуркой настоящей, со стеклянными глазами и на очень больших колесах, даже взрослые на ней катались. Володя сам мыл ее, кормил понарошку.

К двум годам он уже говорил хорошо. И большие стихи знал. «Почемучку», «Детки в клетке» Маршака. Стихи он любил читать, стоя на табуретке. Он отбрасывал волосы назад, как настоящий поэт, и читал: «Климу Ворошилову письмо я написал...» И он обязательно должен был встать на что-то высокое...»

Когда началась война, Семен Владимирович ушел на фронт, а Нина Максимовна и Володя эвакуировались из

Москвы на Урал, в село Воронцовка Бузулукского района Чкаловской (ныне Оренбургской) области. По словам Н. Высоцкой: «Я приняла решение поехать в Казань... Но пришлось ехать не в Казань, а на Урал, в город Бузулук, вместе с детским садом парфюмерной фабрики „Свобода“, в котором некоторое время воспитывался Володя... Володя с обидой говорил: „Ты все обещала: в Казанию, в Казанию, а сами едем в какой-то Музулук!“ Город Бузулук расположен между Куйбышевом и Оренбургом. В 15–18 километрах от Бузулука, в селе Воронцовка, находился спиртзавод № 2 имени Чапаева. В этом селе все мы и разместились: московский детский сад, дети школьного возраста и родители... Жили мы в крестьянских семьях. У меня были прекрасные хозяева: Крашенинниковы – мать, дочь и девочка Тая...»

Между тем Семен Владимирович на фронте встретил другую женщину – Евгению Лихолатову. И когда **в июле 43-го** жена и сын приехали обратно в Москву, на Первую Мещанскую, он пожил с ними всего ничего и ушел к Лихолатовой, на Большой Каретный. Вскоре Нина Максимовна тоже вышла замуж – за Григория Бантоша. Но маленький Володя чуть ли не с первых дней не принял отчима. По этому поводу вторая жена Высоцкого Людмила Абрамова позднее скажет: «Володя про Жору рассказывал. Со злостью и хохотом. Рассказывал как про преодоленное. Терпеть он его, конечно, не мог. Но опять же как рассказывал? Как Жора Бантош боялся Гисю Моисеевну (соседка Высоцких по Первой

Мещанской. – Ф. Р.). Как весь дом содрогался при виде Жоры Бантоша, а Гися Моисеевна, бросив котлету, которую она в этот момент валяла в сухарях, – бежала, кричала на него, махала кулаками, тряпками, – приходила обратно, поднимала котлету и продолжала дальше ее валять. То есть не без смеха рассказывал. Я от него никогда не слышала, что «вот, бедная мама...»

Надо сказать, что отчим оставит в душе юного Володи Высоцкого непроходящую зарубку на всю жизнь. Из-за него родной дом для юного Высоцкого станет местом, куда он меньше всего будет хотеть вернуться. А истинным домом для него станет двор, сначала на Первой Мещанской, а позднее и на Большом Каретном. Не имея практически никаких точек соприкосновения со своим отчимом, предоставленный самому себе (мама с утра до вечера работала), маленький Володя целыми днями пропадал во дворе, где взрослые пили, резались в карты, стучали в домино, пели блатные песни и не стеснялись выражать свои чувства крепкой бранью.

В конце 1946 года отец Володи Семен Владимирович, будучи офицером Советской Армии, получил назначение в Германию и перед отъездом заехал к своей бывшей жене и восьмилетнему сыну. Зная, в каких условиях они живут (у Нины Максимовны была мизерная зарплата, и они с трудом сводили концы с концами), Семен Владимирович предложил ей на время отпустить с ним в Германию Володю (в

город Эберсвальде-Финов). Нина Максимовна согласилась. Отъезд состоялся **2 января 1947 г.** Так Володя Высоцкий оказался в далекой и чужой для него стране, в городе Эберсвальде. К сожалению, и это трехлетнее пребывание в Германии не принесло ему настоящей радости. И хотя отношение к нему отца и Евгении Степановны (Володя называл ее «мама Женя») было самым благожелательным, несмотря на то, что впервые в своей жизни Володя получил настоящий велосипед и обучился игре на рояле, однако жизнь в закрытом военном городке для энергичного московского мальчишки была скучна и однообразна. Позднее он расскажет об этом Марине Влади, и та напишет в своей книге воспоминаний следующее:

«Ты в Германии, в маленьком городке, где стоит гарнизон советских оккупационных войск. Тебе 7 лет... В своем замкнутом кругу десятков офицерских семей живет под перекрестным наблюдением. От них несет лицемерием и водкой... Все, что разрешалось бы русскому мальчику в твоей стране, тебе совсем или почти совсем запрещено. Ты не можешь сам себе выбирать товарищей для игр – только приятелей из твоей касты, равных тебе по привилегиям. Никаких прогулок в одиночку, контролируется каждый твой шаг, тебя ежеминутно проверяют, опасаясь покушения или детских шалостей, которые всегда плохо кончаются...»

В августе 1949 года служба Семена Владимировича в Германии закончилась, и он с семьей вернулся на родину.

Учиться Володя Высоцкий был определен в 5-й класс 186-й мужской средней школы. Но первый учебный день запомнился ему не самым лучшим образом. Высоцкий пришел в школу в новенькой оранжевой курточке, которая на фоне серых и небогатых одежонок его новых одноклассников смотрелась как нечто экзотическое. За это новичку приклеили прозвище Американец. Но чуть позже отношения с одноклассниками у Высоцкого наладились. Самым близким другом для него стал Володя Акимов.

Однако во дворе Высоцкий предпочитал дружить не со своими сверстниками, а с ребятами постарше. Один из таких его друзей – Анатолий Утевский – вспоминает:

«Разница в возрасте у нас была довольно солидная – четыре года. Но надо отметить, что ни тогда, ни впоследствии „возрастной ценз“ нашей дружбе не мешал. У Володи была удивительная тяга к взрослым и старшим по возрасту. В нашей компании он не был „шестеркой“, „мальчиком на подхвате“. С ним держались на равных, и он отвечал тем же... Володя в нашей компании имел прозвище Швани (Хвостик), поскольку всюду за нами бегал. Но это было не обидное прозвище, а скорее домашнее, ласкательное, как бывает в добрых семьях, где в шутку дают подобные прозвища. Я не помню, чтобы кто-то из нас мог обидеть Володю. Он же не допускал амикошонства, фамильярности и всегда держался с достоинством...

Скажу откровенно, я никогда не относился к Володе с бла-

гоговением. Для меня он всегда был тем Володькой, который звал меня Толянком и приходил в наш дом, когда ему заблагорассудится. Он мог позвонить в дверь и рано утром, и поздно вечером, и ночью. Молча усесться в углу комнаты или завалиться спать, тем паче что места в квартире было достаточно. Вспоминая то время, понимаю, он был одинок. Родители, бабушки, друзья, любимые женщины, работа – все это маленькие норки, в которые он на время прятался, а потом «вылезал» и стремительно мчался куда-то, словно хотел убежать от самого себя...

Володю наш дом привлекал уютом, теплом и добрым к нему отношением моих родителей... В наших семейных походах иногда участвовал и Володя. Обычно это случалось тогда, когда мне было лень одному ехать за билетами. Он охотно соглашался, выторговывая порцию мороженого. После кино мама обычно приглашала Володю на чашку чая. И это была ее маленькая хитрость. Дело в том, что мы с отцом пытались под разными предлогами улизнуть от обсуждения увиденного фильма. Володя же с радостью принимал участие в таких разговорах. Они подолгу сидели в столовой, несколько раз подогревали чайник, добавлялось варенье в вазочки... Я удивлялся терпению друга и пытался вытащить его из столовой. Он отмахивался, а потом сердито выговаривал: «Не суйся, твоя мама дело говорит...» Теперь я понимаю, почему они находили общий язык. Оба принадлежали искусству – два романтика, два мечтателя... Володя сказал

как-то с восторгом: «Господи, какая же у тебя мама!» В семье Владимира Высоцкого, видимо, не было такого взаимопонимания между взрослыми и детьми. И хотя мачеха Высоцкого, Евгения Степановна Лихолатова, по словам Марины Влади, «нежная и любящая», но она была человеком чужим, так же, как и отец, всегда мало разбиравшийся в душевных терзаниях своего сына.

В марте 1953 года умер Сталин. Хоронила вождя всех народов вся Москва, в том числе и 15-летний Володя Высоцкий. Вот как об этом вспоминает приятель Высоцкого В. Акимов: «Умер Сталин. Три дня открыт доступ в Колонный зал. Весь центр города оцеплен войсками, конной милицией, перегорожен грузовиками с песком, остановленными трамваями, чтобы избежать трагедии первого дня, когда в неразберихе на Трубной площади многотысячная неуправляемая толпа подавила многих, большей частью школьников.

Особой доблестью среди ребят считалось пройти в Колонный зал. Мы с Володей были дважды – через все оцепления, где прося, где хитря: по крышам, чердакам, пожарным лестницам, чужим квартирам, выходявшим чердачными ходами на другие улицы или в проходные дворы, под грузовиками, под животами лошадей, опять вверх-вниз, выкручиваясь из разнообразнейших неприятностей, пробирались, пролезали, ныряли, прыгали, проползали. Так и попрощались с Вождем».

В 1956 году на Большой Каретный, в квартиру своей мо-

лодой жены Инны Крижевской переехал коллега Утевского по учебе в МГУ Левон Кочарян. Утевский об этом вспоминает следующее: «Итак, Лева переехал к Инне, на Большой Каретный, в ее трехкомнатную квартиру на четвертом этаже. В это время это было роскошью, большинство москвичей жили в коммуналках, в одной комнате. Дом Кочарянов – гостеприимный, хлебосольный, душевный, можно сказать, открытый для всех – обладал удивительным притяжением. И даже после рождения Олечки вся наша компания продолжала там собираться. Привел я туда и Володю Высоцкого, потом там появились и его самые близкие школьные друзья – Володя Акимов, Игорь Кохановский, Яков Безродный, Аркадий Свидерский».

В компании, в которой вращался Высоцкий, спиртным баловались все, что неудивительно: вино и водка в те годы стоили дешево и были чуть ли не главным атрибутом приобщения молодежи к взрослой жизни. Как вспоминает писатель Василий Аксенов: «Пьянство, вообще-то, не особенно возбранялось, если ему предавались здоровые, концентрированные люди в свободное от работы или отпускное время. Напитки были хорошего качества и имелись повсюду, вплоть до простых столовых. Даже глубокой ночью в Охотном ряду можно было набрать и водок, и вин, и закусок в сверкающем чистотою дежурном гастрономе. К началу пятидесятых годов полностью возродились московские рестораны, и все они бывали открыты до 4 часов утра».

«Гораздо позже я поняла, – пишет в своей книге Марина Влади, – из-за всего этого – отца, матери, обстановки и уже тогда изгнания – ты начал с тринадцати лет напиваться».

Надо сказать откровенно, что немалое значение (если не первостепенное) в столь раннем приобщении Высоцкого к алкоголю играла и унаследованная им от предков болезнь головного мозга. Это неблагоприятное генное наследие пришло к Высоцкому от родного деда (тетки со стороны матери умерли от туберкулеза). Дед Высоцкого – Максим Иванович Серегин – был уроженцем села Огарево Тульской губернии, в четырнадцатилетнем возрасте он приехал в Москву на заработки и сначала подносил чемоданы на вокзалах, а позднее устроился швейцаром в гостиницу. Его чрезмерное увлечение алкоголем передалось через поколение внуку.

В пяти минутах ходьбы от дома № 15, в котором жил Высоцкий, в 1-м Колобовском переулке, раскинул свои владения построенный еще при последнем российском монархе винный завод. Поэтому окрестным жителям вино доставалось чуть ли не даром – рабочие выносили. Может быть, поэтому свои первые эпиграммы Высоцкий называл соответствующим образом: «Напившись, ты умрешь под забором» (написана в 1962 году и посвящена Игорю Кохановскому, с которым Высоцкий сидел за одной партией), «Кто с утра сегодня пьян?» (написана в 1962 году и посвящена лидеру компании Левону Кочаряну), «В этом доме большом раньше пьянка была» (написана в 1963 году и посвящена однокурс-

нику Высоцкого по Школе-студии МХАТа Георгию Епифанцеву, в 1968 году сыгравшему роль Прохора Громова в телефильме «Угрюм-река»).

Артур Макаров позднее вспоминал: «В нашей компании было принято – ну как вам сказать – выпивать. Сейчас я пью немного, но не только по причине того, что я старше и болезненнее, а по причине того, что редко наступает в тебе такой душевный подъем, такое созвучие души с компанией, когда хочется это делать дольше, поддерживать в себе, дабы беседовать, развлекаться и для этого пить, иногда ночи напролет.

Мы не пили тупо, не пили для того, чтобы пить, не пили для того, чтобы опьянеть. Была нормальная форма общения, подкрепляемая дозами разного рода напитков».

Но как бы романтично ни звучали слова Макарова об идейной основе юношеского питья, все же факт остается фактом: именно те шумные застолья приучили Высоцкого к спиртному. Ведь в той компании он и Акимов были самыми младшими, и поэтому желание подражать, ни в чем не уступить своим старшим товарищам толкало Высоцкого в объятия спиртного. Даже за вином в ближайшую «Бакалею» на углу Каретного и Садовой бегали именно они, салаги – Высоцкий и Акимов.

Между тем окрестности вокруг Каретных улиц – Малюшенка, Косая, Бутырка – были буквально нашпигованы хулиганскими компаниями. Вечерами, а то и днем, приличному человеку там было пройти опасно – легко можно было на-

рваться на какого-нибудь уркагана или отмороженную шпану. Например, в соседнем с Большим Каретным Лиховом переулке «мазу держали» братья Долбецы, а в помощниках у них были персонажи с весьма колоритными кликухами: Мясо, Фара, Бармалей. Вспоминая о знакомых Левона Кочаряна, тот же А. Утевский пишет: «Круг Левушкиных знакомств был весьма пестрым, полярным и многоплановым. Некоторые его приятели составляли далеко не самую интеллектуальную часть его общества. Скорее они примыкали к криминогенной, авантюрной его части. Со многими из них я был знаком. Кое-кого знал и Володя, которому тогда весьма импонировал их авантюрный образ жизни, возможность разными путями легко зарабатывать деньги и так же лихо, с особым шиком и куражом прокутить их. Днем они занимались какими-то сомнительными делишками, а вечером собирались в модных тогда ресторанах „Спорт“, „Националь“, „Астория“, „Аврора“. Эти ребята, несмотря на принадлежность к блатной среде, были фигурами весьма своеобразными, добрыми по своей натуре и обладавшими чертами справедливых людей. Авторитет Левы был у них огромен...»

Таким образом, двор на Большом Каретном сформировал большинство привычек Высоцкого: как хороших, так и дурных. Чувство товарищеского локтя, чувство справедливости, смелость, душевную щедрость. Первая сигарета, первый стакан вина, первая женщина – это тоже Большой Каретный с его глухими подвалами и подворотнями.

В своем, по многим приметам, автобиографическом «Романе о девочках» Владимир Высоцкий писал: «Особых, конечно, вольностей не было, потому что стеснялись девичества девушки, и юноши боялись ударить в грязь лицом и опозориться, да некоторые просто и не знали, что делать дальше после объятий. На практике и не знали, хотя теоретически давно изучили все тонкости из ботаники, зоологии и анатомии, которая в 9-м классе преподается под хихиканье и сальные шуточки. Знали они про первородный грех Адама и Евы и последующие до нынешних времен, ибо жили они по большей части в одной комнате с родителями, и родители думали, что они спят, конечно же... но они не спали и все слышали. Справедливо все-таки замечено древними: во всем виноват квартирный вопрос».

Желание познания сексуальной практики в каждом мальчишке-подростке возникает гораздо раньше условий, могущих это желание удовлетворить. В случае с Высоцким все обстояло несколько иначе. В той компании, где находился он, хватало места и девушкам, бывшим на несколько лет старше Высоцкого. И хотя тот не отличался ни отменным ростом, ни какой-то особенной красотой, но девушкам нравился его веселый, темпераментный характер и дар отменного рассказчика-юмориста. Многие из этих девушек были даже более раскованны, чем ребята, и свой богатый сексуальный опыт передавали легко. Ведь многие из них росли в таких семьях и дворах, где все было проще и грубее, чем писалось

в книгах и показывалось в кино.

Но для Высоцкого приобретение практического сексуального опыта пока выражалось в пассивном наблюдении за действиями старших товарищей. В откровенных воспоминаниях двоюродного брата Высоцкого Павла Леонидова есть строчки и об этом: «Однажды потащили на моей первой „Победе“ шестнадцатилетнего Володю в Машкино: Гена, Володя, я, три девочки. Заехали куда-то в кусты, расположились. Володя застеснялся. Мы с Геной занялись делом, а Володя „смотрел телевизор“. Так мы называли процесс „глядеть и не участвовать“.

И все же грубое дворовое воспитание, через которое прошел Высоцкий, так и не убило в нем мужского благородства. И если одна из любимых женщин Сергея Есенина Галина Бениславская в 1925 году написала в своем дневнике: «Сергей – хам. При всем его богатстве – хам. Под внешней выложенной манерностью, под внешним благородством живет хам. И ведь с него больше спрашивается, нежели с какого-либо простого смертного. Если бы он ушел просто, без этого хамства, то не была бы разбита во мне вера в него. А теперь чем он для меня отличается от Приблудного? – такое же ничтожество, также атрофировано элементарное чувство порядочности», – то ни одна из женщин, которых любил Владимир Высоцкий, не захотела сказать о нем ни одного дурного слова, хотя всякое бывало в их отношениях с ним.

Иза Высоцкая: «Мне просто повезло: в моей жизни было

большое счастье. И когда мы расстались, у меня было такое ощущение, что женщины должны быть с ним очень счастливы. Потому что у него был такой дар – дарить! Из будней делать праздники, причем органично, естественно».

Людмила Абрамова: «Пусть меня найдет и плюнет мне в лицо тот, кто сможет доказать, что Володя когда-нибудь за глаза плохо говорил о женщинах. Уверена, что этого не было! Никогда никому не поверю, если кто-то будет это утверждать».

Когда вода Всемирного потопа
вернулась вновь в границы берегов,
из пены уходящего потока
на сушу тихо выбралась Любовь...
Я поля влюбленным постелю —
пусть поют во сне и наяву!..
Я дышу, и значит – я люблю!
Я люблю, и значит – я живу!

Зимой 1956 года Высоцкий бросил МИСИ, куда его заставил пойти отец. Чтобы не попадаться на глаза разгневанным родителям, он чуть ли не дневал и ночевал у Утевского. Однако объяснение все равно случилось, причем вышло оно весьма бурным. Друг семьи Высоцких Н. Киллерог, жившая в 50-х годах в Киеве, позднее вспоминала:

«Вдруг зимой звонит мне Евгения Степановна и говорит: „Неля, мы в отчаянии! Приезжай!!!“ – „Что случилось?“ –

„Вова бросает строительный институт, хочет поступать в театральный!“

Близкие Володи были в ужасе, пытались отговорить его от этого, как нам тогда казалось, безрассудного поступка. Когда все аргументы были исчерпаны, я нанесла ему «удар ниже пояса»: «Да посмотри ты на себя в зеркало – какой из тебя артист!»

При этих словах Володя густо покраснел, глаза его наполнились слезами, и в ответ я услышала: «Вот посмотришь, ты еще будешь мной гордиться!» Сам Высоцкий, вспоминая об этих событиях, в январе 80-го признался: «Потом были конфликты между родственниками. Они хотели, чтобы я стал простым советским инженером. Я поступил в строительный институт на механический факультет, учился там. Но потом почувствовал, что совсем неумогу».

А вот как вспоминает об этих же днях Л. Штурман: «Я как-то пришел к Высоцким, и мама Володи мне говорит: я тебя очень прошу, побеседуй с Вовкой, он решил бросить институт и поступать на актерский. Пришел Вовка, сел покушать, мы поболтали, а потом я говорю: „Ну ладно, теперь поговорим серьезно“. „А, тебе мама уже сказала!“ – сказал он. „Тише, тише, – ответил я, – да, сказала мама, и я считаю, что она права. Тебе осталось всего ничего, сдай хоть семестр, тебе осталось-то совсем немного, кончай первый курс, а потом поступай куда хочешь“. Он встал (мы рядом сидели), сделал шаг ко мне, поцеловал меня в лоб и сказал: „Я тебя очень

люблю, но ни тебя, никого не послушаю. Я твердо решил поступать в театральное училище...“

Бросив МИСИ в начале 1956 года, Высоцкий летом того же года поступил в Школу-студию МХАТа, уже не будучи жителем Большого Каретного. За год до поступления он переехал к матери, Нине Максимовне, на Первую Мещанскую, по всей видимости, из-за конфликта с отцом. Но, уехав с Большого Каретного, не забывал его и по-прежнему часто навещался к своим друзьям.

В тот год в судьбе Владимира Высоцкого произошло еще одно знаменательное событие: в Школе-студии он встретил девушку, которой вскоре суждено будет стать его первой женой. Девушку звали Иза Жукова. Была она на год старше Высоцкого и училась на третьем курсе. Знакомство их состоялось в тот момент, когда Высоцкий был приглашен для участия в курсовом спектакле третьекурсников «Гостиница „Астория“ И. Штока, в котором Высоцкому досталась бессловесная роль солдата с ружьем. Он был очень захвачен этой работой и ходил на все репетиции. Одним словом, довольно быстро Высоцкий стал среди третьекурсников своим парнем, что при его общительном характере было и не столь сложно. Тогда и произошло его близкое знакомство с Изой. Молодые стали встречаться.

Вспоминает И. Высоцкая: «После сдачи спектакля у нас было застолье студенческое. И, конечно, там был Володя. Под утро, когда все стали разъезжаться, и мы с подругой

Греттой Ромадиной и нашим педагогом Виктором Кирилловичем Манюковым собирались ехать пить кофе с пирожными к его тете, рядом со мной оказался Володя, который меня никуда не пустил. Держал вот меня за руку и не отпускал. И мы пошли бульварами на Трифоновку, в наше общежитие. И всю дорогу ругались. Мне было досадно и обидно, что не поехала на кофе. Да и зачем он идет за мной? Я замужем! Хотя брак и продержался две недели, но я не была разведена. Я даже не помню, о чем мы говорили, но факт тот, что с этого дня он вообще был при мне, со мной. Я приходила в столовую, а мне несли обед и не говорили от кого. „Я не буду, я не буду!“ – возмущалась я. – „Да ты не бойся...“

Или я заболела, и моментально появлялись лекарства. В Москве тогда невозможно было достать цветы, а он находил. Таскал еду из дома. В итоге я сама не заметила, как вдруг мне стало его не хватать. А потом случилось то, во что я очень верю, – два человека превращаются в одного...»

На дворе была осень 57-го, когда Высоцкий окончательно уговорил Изу переехать из общежития, где она жила, к нему на Первую Мещанскую. Поскольку из всего добра у девушки был всего лишь небольшой чемоданчик, этот переезд больших хлопот возлюбленным не доставил. Жили молодые в отдельной комнатке, которая, кроме них, принадлежала и соседке Гисе Моисеевне с сыном Мишей. Комната была проходная: на ночь ставили ширму, а днем ее убирали, и в нее мог зайти кто угодно, в ней даже соседи завтракали.

Итак, **осенью 57-го** Иза переехала к Высоцкому, но свадьбу они сыграют только через два с половиной года – бывший муж Изы никак не давал ей развода.

Иза к тому времени была уже вполне самостоятельной девушкой, поэтому семейная жизнь для нее не была чем-то обременительным. Про двадцатилетнего Владимира Высоцкого этого сказать было нельзя. Даже женившись и став семейным человеком, он не изменил своим старым привычкам и продолжал посещать шумные мужские компании, в которых ему было гораздо интереснее, чем в стенах собственного дома. По словам его сокурсницы М. Добровольской: «Изе в то время часто бывало с ним трудно».

По признанию многих, да и самой Изы, Высоцкий тогда был душой любого общества, много балагурил и хохмил. Но в глубине души он по-прежнему оставался одинок и замкнут. И единственным средством вырваться за пределы этого одиночества, забыть хотя бы на время о нем для Высоцкого оставалось спиртное. Даже в своих первых песнях конца 50-х он не забывает об этой теме:

Если бы я был физически слабым —
я б морально устойчивым был, —
ни за что не ходил бы по бабам,
алкоголю б ни грамма не пил!..
Ну а если я средних масштабов —
что же делать мне, как мне быть?
Не могу игнорировать бабов,

не могу и спиртного не пить!

... Нет, жить можно, жить нужно и – много:

Пить, страдать, ревновать и любить, —

не тащиться по жизни убого, —

а дышать ею, петь ее, пить!..

Надо так, чтоб когда подытожил

все, что пройдено, — чтобы сказал:

«Ну а все же неплохо я прожил, —

Пил, любил, ревновал и страдал!..»

К концу 50-х Владимир Высоцкий уже несколько лет как играл на гитаре и понемногу сочинял собственные песни. Началось это в 1955 году, когда к 17-летию мама подарила ему первую в его жизни гитару. Одноклассник Высоцкого Игорь Кохановский позднее вспоминал: «Когда я учился в 8-м классе (1953 год), кто-то из соседей по квартире показал мне пять-шесть аккордов. Варьируя их, можно было вполне сносно подыграть любой песне. Довольно быстро я набил руку и исполнял почти весь репертуар Александра Вертинского... Через два года Володя – тогда мы оканчивали 10-й класс – попросил меня научить его струнным премудростям. Он тоже довольно быстро освоил нехитрую музграмоту, но до моих „технических изысков“ ему было тогда далеко».

Сам Владимир Высоцкий в одном из интервью свое увлечение гитарой объяснил тем, что, услышав однажды Булата Окуджаву, решил переложить собственные стихи на нехит-

рую гитарную музыку. К тому же гитара в те годы была самым распространенным и доступным музыкальным инструментом, и без нее не обходилась ни одна из молодежных вечеринок. Под нее в те годы пели свои песни и любимые киногерои в исполнении Николая Рыбникова и Юрия Белова.

Булат Окуджава стал исполнять свои песни публично с 1956 года. Вспоминая те годы, К. Рудницкий писал: «В комнаты, где пел Окуджава, тесной гурьбой набивались слушатели. Юноши и девушки приходили с магнитофонами системы „Яуза“. Его записывали, его переписывали. Записи Окуджавы быстро расходились по стране. Люди приобретали магнитофоны по одной-единственной причине: хотели, чтобы дома у них был свой Окуджава.

Вот это было внове. Раньше-то поклонники Утесова или Шульженко собирали пластинки, чтобы под звуки очередного шлягера скоротать субботний вечерок, а то и потанцевать. В этом же случае возникла совсем иная потребность: певец понадобился как собеседник, как друг, общение с которым содержательно, волнующе, интересно. Слушали не песню, не отдельный номер – слушали певца... Он еще ни разу не появился на концертных подмостках, а его уже знали повсюду».

А. Утевский, на глазах которого Высоцкий впервые взял в руки гитару, вспоминал: «Петь Володя начал еще мальчишкой. Садился на диван, брал гитару и тихонечко, чтобы не мешать присутствующим, что-то пел, подыгрывая себе. Мне

его занятия на гитаре были неинтересны, к тому же он подбирал по слуху чужие, где-то услышанные мелодии. Пытался он сочинять и что-то свое, но получалось невразумительно – жизни он не знал, словарный запас был невелик... И тем не менее Володя упорно терзал гитару, учился посредством слова выражать мысли...»

Все песни Высоцкого того периода подражательные. Написаны они были только для того, чтобы исполнять их в кругу близких друзей под вино и закуску. А так как Высоцкий был с детских лет воспитан на блатной московской романтике, песни те писались им в определенной манере, хорошо знакомой им и любимой. Причем это совсем не значило, что Высоцкий сам был таким блатным, вхожим в хулиганские компании парнем. Ведь он и летчиком никогда не был, и моряком, однако это не мешало ему сочинять замечательные песни о них. Просто Высоцкий с детских лет был настоящим романтиком, наделенным уникальным даром воображения и поэтическим талантом.

В 1959 году Иза Высоцкая окончила училище, и ее распределили в Киев в Театр имени Леси Украинки, а Владимир еще целый год должен был доучиваться в студии. Теперь их связывали друг с другом только почта и телефон.

Вспоминает Б. Поюровский: «Учился Володя нормально. Ни о каком первенстве речи не было, он был, что называется, хорошист. Володя не был ни лидером, ни надеждой и гордостью курса, но и не причинял особых неприятностей.

Он шел ровно... Я не помню случая, чтобы кто-то говорил, что Высоцкий завалил экзамен, что он приходил и просил: «Разрешите мне пересдать весной или осенью». Я не помню такого.

Он свято относился к профессиональным дисциплинам. к сценической речи, с которой у него были нелады, к танцу, который давался ему нелегко, к актерскому мастерству...

У Володи академических срывов не было. Никогда. По линии поведения – были. Но Павел Владимирович Массальский – руководитель курса – так все «замазывал», что от этого и следа не оставалось. И не только по отношению к Володе, но и по отношению к любому своему студенту. Он этим славился. С ним никто ничего не мог сделать, и его студенты всегда грешили дисциплиной. Павел Владимирович был человеком несказанной доброты и редкостного благородства. Его все очень любили и бывали у него дома.

Павел Владимирович обожал Володю, и я считаю, что беда Высоцкого в дальнейшем была во многом связана с обожанием Массальского. На других курсах очень строго было насчет выпивки, а на этом – просто. Правда, в те годы Павел Владимирович был уже болен и говорил мне, что после шести часов вечера ему нельзя пить даже чай. Только стакан кефира. Но из-за того, что он сам когда-то выпивал, был снисходителен к этому греху у других. И, конечно, его студенты этим грешили...»

В 1959 году, еще будучи студентом, Высоцкий совершен-

но случайно сыграл роль в крошечном эпизоде в фильме Василия Ордынского «Сверстницы». Это был его дебют в кино, хотя, в сущности, ничего играть в этом эпизоде молодому актеру и не понадобилось: его лицо всего лишь на несколько секунд мелькнуло среди таких же, как и он, студентов-статистов (роль студента Пети). Сам Высоцкий о тех съемках вспоминал коротко: «Моя первая работа в кинофильме „Сверстницы“, где я говорил одну фразу: „Сундук и корыто“. Волнение. Повторял на десять интонаций. А в результате сказал ее с кавказским акцентом, высоким голосом и еще заикаясь. Это – первое боевое крещение».

А главную роль в том фильме исполнила ровесница Владимира Высоцкого Лида Федосеева, впоследствии ставшая женой Василия Шукшина.

Примерно на это же время выпадает и дебют Владимира Высоцкого на концертной сцене. Случилось это в студенческом клубе МГУ по протекции не кого-нибудь, а самого Сергея Юткевича, который посоветовал директору клуба Савелию Дворину пригласить к себе на концерт «одного студентика с последнего курса Школы-студии МХАТа, кажется, из класса Массальского». Свидетель того концерта Павел Леонидов позднее вспоминал:

«Дней за пять до того концерта позвонили Дворину из 9-го управления КГБ и сообщили, что будет на концерте сам Пospelов (62-летний Петр Пospelов в те годы был не кем-нибудь, а кандидатом в члены Президиума (Политбюро) ЦК

КПСС и секретарем ЦК по идеологии, лауреатом Сталинской премии и Героем Социалистического Труда. – Ф.Р.). Управление КГБ просило у Дворина места для охраны и план зала, фойе, закулисной части и т. д. и т. п. . .

Заканчивать концерт должен был жонглер Миша Мещеряков, работавший в ритме и темпе пульса сошедшего с ума. . . Перед Мещеряковым вышел на сцену парнишка лет восемнадцати на вид, подстриженный довольно коротко. Он нес в левой руке гитару. (Это и был Владимир Высоцкий). Сел опасно и как-то боком, потом миновал микрофон и встал у края рампы, как у края пропасти. Откашлялся. И начал сбивчиво объяснять, что он, в общем-то, ни на что не претендует, с одной стороны, а с другой стороны, он претендует, и даже очень, на внимание зала и еще на что-то. Потом он довольно нудно объяснял, что в жизни у человека один язык, а в песне – другой, и это – плохо, а надо, по его мнению, чтобы родной язык был и в жизни, и в книгах, и в песнях – один, ибо человек ходит с одним лицом. . . Тут он помолчал и сказал нерешительно: «Впрочем, лица мы тоже меняем. . . порой». . . И тут он сразу рванул аккорд, и зал попал в вихрь, в шторм, в обвал, в камнепад, в электрическое поле. В основном то были блатные песни и что-то про любовь – не помню песен, а помню, как ревел зал, как бледнел бард и как ворвался за кулисы, где и всего-то было метров десять квадратных, чекист и зашипел: «Прекратить!» С этого и началась Володина запретная-перезапретная биография. . .

Володю после концерта караулили иностранные студенты часа два, а мы с Дворинным улизнули через аудитории. Дворин благодарил Володю, жал ему руку, а на меня косил смущенный, добрый и перепуганный глаз...»

В марте 1960 года бывший муж Изы все-таки дал ей развод (к этому делу приложила свою руку бабушка Высоцкого, которая жила в Киеве, работала врачом-косметологом и имела весьма обширные связи среди руководящих работников города), и она прилетела в Москву, чтобы сыграть запоздалую свадьбу с Высоцким. Она состоялась **25 апреля**. Вот как об этом вспоминает сама И. Высоцкая: «Сначала решили не устраивать пышной свадьбы, поскольку мы с Володей фактически были давно женаты. Позвонили в Ленинград Семену Владимировичу, у него, кажется, шли экзамены в Академии связи. Он сказал:

– Делайте нормальную свадьбу. Как у людей.

И Евгения Степановна со своими армянскими родственниками взялась за дело. Целые сутки они готовили. Мне купили очень красивое бело-розовое платье на каркасе. На примерке в магазине, едва я успела надеть каркас, продавщица сказала: «Как вам оно идет!..»

Сначала мы думали играть свадьбу в комнате у Володи Акимова. Нина Максимовна даже заходила туда и вымела из-под мебели два ведра окурков и фантиков. Но в конце концов решили устраивать ее дома, на Большом Каретном. Накануне этого события Володя устроил мальчишник для

своих друзей в кафе «Артистическое». Он очень долго не возвращался домой, и тогда я пошла его выручать. На обратном пути он сказал:

– Изуль, а я всех пригласил на свадьбу!

– Кого всех?

– Не помню. Всех пригласил.

На мне было прелестное платье в палевых розах, которое мне купили в магазине «Наташа» на улице Горького. Материал назывался перлон, такого сейчас нет. Туфли, естественно, без каблуков, бледно-лимонного цвета. Никакой фаты. А Володя... Он был в рубашечке, мы купили ему костюм, но он его не носил... Расписались в Рижском ЗАГСе, под патефон, где почему-то был не марш Мендельсона, а музыка из фильма «Укротительница тигров». Мы хохотали страшно...

Свадьба была шумная и многолюдная. Мы заняли, наверное, всю квартиру на Большом Каретном, но там были маленькие комнатки, и люди сидели везде, где только можно. Пришел почти весь курс Володи, большая часть моего курса, друзья Володи по школе и по Большому Каретному и его родственники – кто был в это время в Москве. Из моих родных не было никого. Не было, по-моему, и Семена Владимировича: он не смог освободиться от своих учебных дел.

Каких-нибудь особых эпизодов от свадьбы в моей памяти не осталось. Было шумно и весело – чисто по-студенчески. Володя много пел. Несколько раз громко объявлял гостям: «Она меня соблазнила, лишила свободы!» Это было люби-

мой темой его шуток в мой адрес. Когда мы относили заявление в ЗАГС, девушка-распорядитель стала объяснять Володе порядок последующих действий. Володя замахал руками в мою сторону:

– Это вы ей говорите! Я в этом ничего не понимаю, а она уже все знает! Все-все говорите ей!..

Когда мы вернулись домой на 1-ю Мещанскую, наступило утро. Люди пошли на работу. И Володя – в малоодетом виде – встал на подоконник и звал каких-то мимо идущих работяг, чтобы они немедленно зашли и обмыли с ним его «лишение свободы»...»

В июне 1960 года Высоцкий познакомился с человеком, который станет одним из самых его близких друзей до гробовой доски. Речь идет о Всеволоде Абдулове. Последний вспоминает: «Моя первая встреча с Высоцким? Пришел я в Школу-студию МХАТа. А такая традиция – выпускники, несмотря на жуткую свою занятость – госэкзамены, дипломные работы, – обязательно не пропускают приемных экзаменов. Наверное, как это в песне прозвучит: „Я видел, кто придет за мной“. Вот они хотели увидеть – кто же придет за нами к тем же педагогам, на тот же курс. Мы туда шли, где Володя Высоцкий только что прокрутился эти четыре года. И они сидели и за нас болели. Володя стал за меня болеть, помогать мне. И так получилось, что мы подружались, чтобы уже не расставаться последующие двадцать лет. Мы с ним встретились, и никогда между нами не было выяснения – кто

младше, кто старше, а я младше его почти на пять лет...»

Тем летом Высоцкий с успехом окончил Школу-студию, и перед ним встала проблема выбора места работы. Сам он о тех днях вспоминал: «Я закончил училище и в числе нескольких лучших учеников имел возможность выбирать театры... Была масса неудач, тут уже я не хочу разговаривать, потому что приглашали туда и сюда... Я выбрал самый худший вариант из всего, что мне предлагалось. Я все в новые дела рвусь куда-то, а тогда Равенских начинал новый театр, наобещал сорок бочек арестантов, ничего не выполнил, ничего из этого театра не сделал, поставил несколько любопытных спектаклей, и все».

Как и большинство молодых актеров, Высоцкий помимо работы в театре пробовал свои силы и в кино. После крохотной роли в фильме «Сверстницы» (1959) он проходил фотопробы еще в ряд картин, но его физиономия никуда почему-то не подошла. И только летом 60-го ему наконец повезло. **14 июля** в девять утра Высоцкий приехал в Большой ботанический сад в Москве, где в тот день проходили пробы к фильму Ф. Довлатяна и Л. Мирского «Горин меняет работу» (в прокате фильм получит другое название – «Карьера Димы Горина»), который снимался на Киностудии имени Горького. Высоцкий пробовался на роль шофера Софрона – шутливого парня из бригады монтажников. В тот день снимался эпизод «драка с Гориным» (на эту роль пробовался Р. Вильдан).

На следующий день Высоцкий опять был на пробах. Только на этот раз они проходили непосредственно на студии имени Горького, в 3-м павильоне. Снимался уже другой эпизод – «игра в домино». И исполнитель роли Горина был уже другой – Анатолий Адоскин.

16 июля Высоцкий снова проходил пробы – на этот раз в Летнем театре в Сокольниках. Там была выстроена несложная декорация, где с 8 утра и до двух часов дня и прошли пробы. Помимо нашего героя в них участвовали: Виктор Сергачев (Горин), Луценко (Галя Березка).

В следующий раз Высоцкий появился на пробах **18 июля**. В 3-м павильоне студии он пробовался сразу с двумя Горинскими: Вильданом и Сергачевым. Сам же Высоцкий играл уже не шофера Софрона, а бригадира монтажников Дробота. Видно, сыграл он его не очень убедительно, поскольку **25 июля** эти пробы были показаны генеральному директору студии Бритикову и худруку Сергею Герасимову, и они кандидатуру Высоцкого отменили. Причем на обе роли: и Софрона, и Дробота. Однако история участия Высоцкого в данном фильме на этом не заканчивается, о чем речь еще пойдет впереди.

В сентябре Театр имени Пушкина открыл свой очередной сезон в Москве, и среди нескольких новичков в его труппе был и Высоцкий. Его ввели сразу в шесть спектаклей, но настоящими ролями это назвать было трудно, так как все ограничивалось несколькими, часто бессловесными, выходами

на сцену. Правда, была у него и одна большая роль, но и она особенной радости молодому актеру не принесла. В спектакле «Свинные хвостики» он играл... 50-летнего (!) председателя колхоза (Высоцкому тогда шел 23-й год). Этот ввод поверг Высоцкого в настоящее смятение, но отказаться он не мог. А режиссер, видя сомнения парня, назначил на эту же роль еще одного актера-дублера. В конце концов в процессе работы Высоцкого полностью вытеснят из этой роли, и он будет занят лишь в массовке. Точно такая же история произойдет с ним и в следующем спектакле, что, естественно, не прибавит молодому актеру веры в собственные силы. У Высоцкого начнутся срывы, и он станет все чаще пропадать из театра по неуважительным причинам. Как итог: его несколько раз попытаются уволить, но каждый раз, идя навстречу его обещаниям исправиться, будут брать обратно. Немалую роль во всех этих возвращениях будет играть Фаина Георгиевна Раневская, артистка того же Театра Пушкина. Вспоминая о ее роли в судьбе молодого Высоцкого, Иза Высоцкая рассказывала: «В театре у него была заступница – великая женщина и великая актриса, единственная женщина, к которой я по молодости ревновала Володю. Это – Фаина Георгиевна Раневская. Они обожали друг друга. И как только его увольняли, Фаина Георгиевна брала его за руку и вела к главному режиссеру. Видимо, она чувствовала в этом тогда еще, по сути, мальчишке, который в театре-то ничего не сделал, большой неординарный талант».

Тем временем осень 60-го запомнилась Высоцкому не только с грустной стороны. Светлым пятном для него стало приглашение в картину «Карьера Димы Горина», куда он, как мы помним, поначалу не подошел. Фильм начал сниматься **в самом конце августа** в Москве, а **в середине сентября** съемочная группа отправилась в экспедицию в Карпаты, в город Сколе (полтора часа на электричке от Львова). Съемки там начались **17 сентября** и шли вполне благополучно. Но спустя неделю у молодых режиссеров (этот фильм был у них дебютным) стали возникать проблемы дисциплинарного характера. Особенно много хлопот стал доставлять им актер Лев Борисов (брат Олега Борисова, впоследствии прославившийся ролью Антибиотика в сериале «Бандитский Петербург»), который играл шофера Софрона. Мало того, что он постоянно учил дебютантов, как надо снимать кино, так он еще и дисциплину нарушал – позволял себе приходиться на съемочную площадку подшофе. В итоге терпение режиссеров лопнуло. **26 сентября** Борисову объявили, что договор с ним расторгнут и он может уезжать обратно в Москву. А в столицу полетела срочная телеграмма на студию, чтобы в Сколе был прислан другой исполнитель. Им стал Высоцкий, который в июле пробовался на эту роль и, видимо, сумел показаться режиссерам.

Высоцкому повезло: вызов из киногруппы пришел как раз в те дни, когда его работа в театре была чисто символической. Поэтому долго уговаривать Равенских не пришлось, и

он со спокойной душой отпустил молодого актера на съемки. Высоцкий прилетел в Сколе **29 сентября**. В тот же день вечером (в 21.00) с ним была проведена репетиция сцены, которую предполагалось снять завтра утром. Игра Высоцкого режиссеров не огорчила. Во всяком случае, на фоне Борисова он выглядел более чем убедительно.

Первый съемочный день Высоцкого в фильме «Карьера Димы Горина» датирован **30 сентября**. В тот день с 9 утра до половины пятого вечера снимали объект «просека» (середина фильма). В съемках приняли участие: Демьяненко, Высоцкий, Алиев, Ванин, Селезнев и др.

1 октября снимали эпизод в палатке (ближе к концу фильма). Участвовали: Высоцкий, Демьяненко, Конюхова, Селезнев и др.

2 октября Высоцкий снимался в кабине грузовика и в палатке.

Вспоминает В. Высоцкий: «Был такой эпизод на третий день моей съемочной жизни: я должен был приставать в грузовике к Тане Конюховой. А я был тогда молодой, еще скромный. Но это не значит, что я сейчас... Я тоже сейчас скромный очень... Я долго отнекивался, наконец согласился. И это было очень приятно... Когда я попытался Таню обнять, это все видел в маленькое окошко Дима Горин. И когда машина остановилась, он... должен был бить меня в челюсть... Эту сцену мы снимали девять дублей, потому что шел дождь, и все время у оператора был брак. И даже Де-

мьяненко – он играл Горина – подошел ко мне и говорит: „Володя, ну что делать? Ну, надо! Ну, давай я хоть тебя для симметрии по другой половине, что ли, буду бить“.

Вспоминает Т. Конюхова: «Володя был активен, и он все время предлагал что-то сделать, ребятам подкидывал фразы остроумные. Он привнес такую изюминку в эту маленькую рольку и, в общем, укрупнил ее. Я так думаю, что они и пошли от этой его индивидуальности, и посадили его со мной в машину, и заставили его хватать меня и целовать... Это снималось под Ужгородом, там река, это была осень, жуткая, грязная. Ужасно! Там в грязи все приходили, на плиточках грели воду, с кипятильниками. Воды нет горячей, ничего нет...»

3 октября съемки были отменены из-за сильного дождя.

4–5 октября снимали объект «трасса» с участием все тех же исполнителей.

Вспоминает Н. Казаков: «По сюжету мы строили высоковольтную линию электропередачи. И режиссеры фильма вдруг говорят нам, мол, ребята, надо бы залезть на траверсы, где ролики висят, а то – все дублеры да дублеры. (А опоры эти высотой 42 метра, да еще в горах стоят). И пообещали заплатить нам тогда по 40 рублей. Дали нам монтажные пояса, и мы полезли... Я помню, осилил метров семь. Какглянул вниз, – так и остановился. А на самый верх забрались лишь артист и спортсмен Алексей Ванин и Высоцкий...»

Сразу после съемок, вечером **5 октября**, Высоцкий уле-

тел в Москву для участия в спектакле. В Сколе он вернулся **7 октября** и уже в 9 часов утра был на съемочной площадке – снимался в «просеке» (конец фильма).

8 октября снимали сцену на болоте с участием Высоцкого, Демьяненко, Конюховой, Жаровой и др. Это был последний съемочный день Высоцкого в экспедиции – вечером того же дня он улетел в Москву. А съемки в Сколе продлятся до **25 октября**, после чего группа вернется в столицу, чтобы продолжить работу в павильонах Киностудии имени Горького.

1 ноября в 11 утра Высоцкий приехал в парк Сокольники, где в Летнем театре была выстроена декорация «домик бригады». В тот день до семи вечера прошли репетиции предстоящих съемок. Они начались на следующий день в 10 утра и продлились до шести вечера. Снимали сцены, где Горин общается с бригадой (первая половина фильма). Снимались: Высоцкий, Демьяненко, Ванин, Селезнев, Алиев и др.

3 ноября снимали все тот же «домик бригады».

4 ноября снимали «домик», а в восемь вечера была проведена репетиция сцены «встреча Нового года», которую в скором времени предстояло снимать.

5 ноября Высоцкий снимался в «домике бригады».

6–8 ноября съемки не проводились по причине праздников (43-я годовщина Великого Октября).

9 ноября съемки фильма были возобновлены: снимали «домик бригады» (перед встречей Нового года) с участием

Высоцкого, Демьяненко, Алиева и др.

10 ноября Высоцкий продолжил съемки в «домике бригады».

11 ноября съемки не проводились. Но в четыре часа дня Высоцкий был в Сокольниках, где прошла репетиция сцены «встреча Нового года». Работа завершилась в 23.00.

12 ноября сняли несколько разных кадров в декорации «домик бригады» с участием Высоцкого, Демьяненко, Казакова, Алиева и др.

13 ноября – выходной день.

В понедельник **14 ноября** с 12 часов дня начали снимать «встречу Нового года». Однако в пять вечера внезапно сломалась камера, и работу пришлось прекратить.

15 ноября съемки Нового года продолжились. Снимались Высоцкий, Демьяненко, Конюхова, Казаков, Алиев, Селезнев, Ванин, Жарова и др. Работа продлилась до 18.30.

16 ноября Высоцкий снова снимался во «встрече Нового года».

17 ноября съемочная группа, как обычно, собралась на студии, где актеры переоделись в реквизит, загримировались и в 11.45 на автобусах отправились в Сокольники. Однако, приехав в павильон в Летнем театре, они застали там жуткий холод. Стало понятно, что сниматься в таких условиях невозможно. И в час дня съемку отменили. Та же история повторилась и **18–19 ноября**.

20 ноября – выходной день.

21 ноября съемка опять была отменена из-за сильного холода в павильоне. После этого, узнав от синоптиков, что холода в Москве уже не отступят, было решено съемки в Сокольниках прекратить. Они возобновятся **24 ноября**, однако без участия Высоцкого – в Кунцево будут снимать натурные эпизоды с участием других актеров. Что касается нашего героя, то он целиком сосредоточился на работе в театре.

На съемочную площадку «Карьеры Димы Горина» Высоцкий вернется во второй половине декабря. Для этого ему придется лететь в Ригу, поскольку часть павильонных эпизодов будет сниматься именно там (из-за отсутствия свободных площадей на студии Горького). **19 декабря** Высоцкий снимется в эпизоде «в больнице» из второй части фильма. На следующий день Высоцкий «добьет» этот объект и самолетом вернется в Москву. В этом году в «Горине» он больше сниматься не будет.

В Ригу Высоцкий опять прилетит **9 января 1961 года**. В тот день на натурной площадке Рижской киностудии и в павильоне будут сниматься два эпизода из конца фильма с его участием: «кабина грузовика» и «палатка». Съемки продлятся с 16.00 до 24.00.

10 января Высоцкий снова снимался – в эпизоде «палатка» из конца фильма. Его партнерами были: Демьяненко, Селезнев, Алиев, Ванин и др. Работа длилась с 10.00 до 19.00.

11 января Высоцкий снимался в эпизодах «палатка» и «опора» из конца фильма. Утром следующего дня Высоцкий

улетел в Москву.

В следующий раз на съемочную площадку «Горина» наш герой вернулся в свой день рождения **25 января**. Волею судьбы ему в тот день пришлось ехать в Кунцево, где снимались натурные эпизоды из первой половины картины. Партнерами Высоцкого были: Демьяненко, Конюхова, Селезнев, Ванин, Жарова, Казаков, Ананьина и др.

26 января, в четыре часа дня, Высоцкий был на Киностудии имени Горького, где прошла его первая сессия озвучивания роли Софрона. Она длилась до 23.30.

10 февраля Высоцкий снова снимался. На этот раз ему пришлось ехать в Звенигород, где сняли несколько кадров с его участием в натурной декорации «домик бригады» из первой части фильма. Работа длилась с 10.00 до 17.00.

13 февраля Высоцкий снова должен был сниматься. Однако не довелось. В 9.30 съемочная группа выехала к месту съемок, но начать их так и не смогла из-за сплошной облачности.

Съемки возобновились только **16 февраля**. Высоцкий снимался в эпизодах «просека» и «домик бригады» из первой части картины. Затем наш герой в течение трех дней не снимался. И на съемочную площадку вышел только **20 февраля** – были запечатлены кадры в «домике бригады» из второй части фильма.

Следующие съемки случились у Высоцкого **28 февраля**. На этот раз они проходили на Киностудии имени Горько-

го, во 2-м павильоне. Высоцкий снимался в новых эпизодах «встреча Нового года» (эти эпизоды внесли в сценарий по настоятельной рекомендации Сергея Герасимова). Съемки велись с 9.00 до 24.00.

Последний съемочный день Высоцкого на картине «Карьера Димы Горина» датирован **4 марта**. В Звенигороде будут сняты кадры из первой половины фильма с участием Высоцкого, Демьяненко и Конюховой. Работы длились с 8.00 до 17.00.

7–9 марта Высоцкий провел три смены озвучания. На этом его работа в фильме «Карьера Димы Горина» была благополучно завершена.

Тем временем тесная мужская компания на Большом Каретном продолжала существовать, и даже более того – расширяла круг своих завсегдатаев. По словам А. Утевского, дом Кочарянов считали за честь почтить своим присутствием многие известные в то время и ставшие известными позднее люди, такие как: Иван Пырьев, Эдмонд Кеосаян, Алексей Салтыков, Алексей Габрилович, Михаил Туманишвили, Григорий Поженян, Кирилл Лавров, Олег и Глеб Стриженовы, Анатолий Солоницын, Нонна Мордюкова, Юлиан Семенов, Василий Шукшин, Андрей Тарковский, Евгений Урбанский, Аркадий Вайнер, Михаил Таль. Правда, большинство из названных нельзя было назвать завсегдатаями дома Кочарянов, многие заходили туда просто «на огонек», приводимые кем-то из старожилов компании. Надо отметить, что по-

сле смерти Сталина советское общество заметно раскрепостилось, люди, сбросившие с себя липкий, гнетущий страх, потянулись друг к другу. В считанные годы недавно скованная страхом молодежь теперь обрела небывалую по тем временам уверенность и жажду жизни. Большим прорывом в этом отношении явился состоявшийся летом 1957 года в Москве Всемирный фестиваль молодежи и студентов, опрометчиво разрешенный властями и впоследствии здорово напугавший их.

Советская власть не была бы советской властью, если бы не стремилась охватить своим вниманием всех: и праздно шатающихся по улицам одиночек, и тех, кто собирался компаниями на квартирах. **4 мая 1961 года** появился Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об усилении борьбы с лицами, уклоняющимися от общественно-полезного труда и ведущими антиобщественный паразитический образ жизни». А. Утевский вспоминает:

«Конечно же, обывателю наша своеобразная коммуна на Большом Каретном представлялась сборищем чуть ли не ту-неядцев. Представьте: обычные люди идут утром на работу, вечером домой, а здесь – поздно встают, поют песни, бегают с пустыми бутылками. В общем, непорядок. И раз так, надо доложить, „стукнуть“ куда следует. Доброжелателей было достаточно, и Артура Макарова с его заработками „неизвестного происхождения“ решили выселить из Москвы. Слава богу, вступился „Новый мир“, во главе которого в то время

был Александр Твардовский. Помнится, именно тогда Высоцкий в соавторстве с Артуром написали юмористический «Гимн тунеядцев», который исполнялся на весьма известную мелодию:

И артисты, и юристы
тесно держим в жизни круг,
есть среди нас жида и коммунисты,
только нет среди нас подлюг!

Артур Макаров впоследствии так комментировал «Гимн тунеядцев»: «Я был и остаюсь убежденным интернационалистом... Это сейчас я пообмялся, а тогда при мне сказать „армяшка“ или „жид“ – значило немедленно получить по морде. Точно так же реагировали на эти вещи все наши ребята. Так вот, в этой компании подлюг действительно не наблюдалось. Крепкая была компания, с очень суровым отбором».

Первые месяцы 1961 года не принесли ни Высоцкому, ни его молодой жене ни творческого, ни душевного облегчения. Приехав зимой в Москву, Иза ждала приглашения из Театра имени Пушкина, куда ее сватал собственный супруг. Однако вопрос волокитился слишком долго, а тут еще в семье случился скандал. Молодые ждали первенца, но, когда об этом узнала Нина Максимовна, она закатила скандал: дескать, жить негде, а вы ребенка рожать надумали. После этого у Изы на нервной почве началось кровотечение и случился выкидыш. Это событие переполнило чашу терпения

девушки. У нее и раньше случались стычки со свекровью, но эта стала последней каплей. Иза собрала вещи и уехала в Ростов-на-Дону работать в местном театре. Чуть позже и сам Высоцкий решил уехать из опостылевшей ему Москвы вслед за своей женой, поскольку получил приглашение из ростовского театра и даже авансом получил роль в спектакле «Красные дьяволята». Все шло к скорому отъезду Высоцкого из столицы, но судьба распорядилась иначе.

В мае Высоцкий по старой привычке снялся в массовке в телеспектакле «Орлиная степь» (в главной роли – Евгений Урбанский), а **в июле** на целый месяц укатил в Севастополь, где шли съемки фильма «Увольнение на берег» (в картину его взял Левон Кочарян, который был вторым режиссером фильма). Там с Высоцким произошел забавный эпизод, о котором вспоминает супруга Кочаряна Инна: «Наша база была в городском Доме офицеров. А жара в те дни стояла жуткая. Володя Трещалов, Лева Прыгунов и Высоцкий в обеденный перерыв решили выйти в город, попить газировки. И к ним подходит патруль. А они его не приветствуют по уставу. Офицер спрашивает: „Почему не приветствуете?“ Ну а они отвечают: „Да пошел ты...“ Их забрали и увезли в комендатуру... Приходит машина, режиссер туда-сюда, а актеров нет. И кто-то ему говорит: „А ваши актеры давно сидят в комендатуре, сейчас их на „губу“ отправляют“. Недоразумение разъяснилось, но это им понравилось. И потом, как только обеденный перерыв, они начинают фланировать по

улице и никому честь не отдадут. Но это уже была игра...»

Вспоминает В. Высоцкий: «Я снимался в фильме „Увольнение на берег“. Когда на крейсер „Михаил Кутузов“, где проходили съемки, приехали Гагарин и Титов, всех прогнали... А я в это время вместе с ребятами жил в кубриках. Всех киношников выгнали, а меня забыли, потому что я тоже был в форме, одет, как все, ко мне уже привыкли на корабле. Так что я первый из очень многих гражданских людей видел в лицо и разговаривал с Титовым и Гагариным...»

Эта поездка в Севастополь оказалась весьма плодотворной для Высоцкого, причем в большей мере как автора песен, чем киноактера: именно там им была написана самая знаменитая песня того времени «**Татуировка**». По версии самого Высоцкого, идея этой песни пришла к нему еще в Ленинграде: «Я первую свою песню написал в Ленинграде. Ехал однажды в автобусе и увидел впереди себя человека, у него была распахнута рубашка – это летом было, – и на груди была татуировка: женщина нарисована была, красивая женщина. И внизу было написано: „Люба, я тебя не забуду“. Я написал песню, которая называется „Татуировка“, правда, вместо „Любы“ для рифмы поставил „Валя“.

8 мая 1961 года на экраны страны вышел фильм «**Карьера Димы Горина**», в котором Владимир Высоцкий сыграл одну из самых больших своих ролей того периода – шофера Софрона. Правда, в многочисленных публикациях, появившихся после премьеры фильма в печати, имя Высоцкого

го ни разу упомянуто не было. Другие фильмы в тот период «делали погоду» на экранах страны, о других актерах писали. В тот год вышли: «Чистое небо», «Битва в пути», «Друг мой Колька», «Прощайте, голуби», «Девчата», «Полосатый рейс», «Человек-амфибия», «Девять дней одного года».

Пока Иза Высоцкая ждала мужа в Ростове-на-Дону, тот, отснявшись в «Увольнении на берег», в августе уехал на новые съемки в фильме «Грешница» режиссера Ф. Филипова, где, как обычно, получил эпизодическую роль (корреспондент). Могла тогда у Высоцкого случиться и главная роль – в фильме «Иваново детство» его пробовали на роль капитана Холина. Этот фильм сначала начал снимать Эдуард Абалов, но когда отснятый им материал был забракован руководством киностудии, фильм доверили снимать другому режиссеру – Андрею Тарковскому. А тот, как мы помним, дружил с Высоцким. Вот он и пригласил друга на главную роль в новой версии «Иванова детства». Однако худсовет, просмотрев пробы Высоцкого, решил, что они неудачны – на умудренного человека с большим жизненным опытом Высоцкий явно не подходил. В итоге эту роль сыграл, и хорошо сыграл, Валентин Зубков.

Между тем, потеряв одну роль, Высоцкий приобрел другую – в фильме ленинградского режиссера Г. Никулина «713-й просит посадку». Эта картина внесет существенные коррективы в личную жизнь 23-летнего Высоцкого. На дворе был **сентябрь 61-го**.

Друг Высоцкого Михаил Туманишвили, вспоминая ту осень, пишет: «В конце 61-го меня пригласили пробоваться в картину „713-й просит посадку“. В этой же картине пробовался и Володя. Мы оба претендовали на одну и ту же роль морского пехотинца. И Володя был утвержден. На съемку надо было ехать в Ленинград, и я пришел на вокзал проводить его. В одном вагоне с ним ехала очень красивая девушка. А в то время ни одну симпатичную девушку оставить без внимания мы не могли. Я говорю Володе: „Ты эту девушку потом обязательно приведи к нам!“ И он: „Обязательно приведу!“ Этой девушкой оказалась молодая киноактриса Людмила Абрамова, в свое время удостоенная почетного титула „Мисс ВГИК“ за свою красоту...»

А вот как об этих же днях вспоминает сама Л. Абрамова: «Мне предложили – практически без проб – войти в картину „713-й просит посадку“... Я поехала в Ленинград... Оформить-то меня оформили, но пока поставят на зарплату, пока то, пока се... А я уже самые последние деньги истратила в ресторане гостиницы „Европейская“, в выставочном зале.

Поздно вечером 11 сентября я поехала в гостиницу, ребята меня провожали. У каждого оставалось по три копейки, чтобы успеть до развода мостов переехать на трамвае на ту сторону Невы. А я, уже буквально без единой копейки, подошла к гостинице – и встретила Володю.

Я его совершенно не знала в лицо, не знала, что он актер. Ничего не знала. Увидела перед собой выпившего человека.

И пока я думала, как обойти его стороной, он попросил у меня денег. У Володи была ссадина на голове и, несмотря на холодный дождливый ленинградский вечер, он был в растянутой рубашке с оторванными пуговицами. Я как-то сразу поняла, что этому человеку надо помочь. Попросила денег у администратора – та отказала. Потом обошла несколько знакомых, которые жили в гостинице, – безрезультатно.

И тогда я дала Володе свой золотой перстень с аметистом – действительно старинный, фамильный, доставшийся мне от бабушки.

С Володей что-то произошло в ресторане, была какая-то бурная сцена, он разбил посуду. Его собирались не то сдавать в милицию, не то выселять из гостиницы, не то сообщать на студию. Володя отнес в ресторан перстень с условием, что утром он его выкупит. После этого он поднялся ко мне в номер, там мы и познакомились...»

Через несколько дней после этой встречи Высоцкий отбил телеграмму в Москву другу Анатолию Утевскому: «Срочно приезжай. Женюсь на самой красивой актрисе Советского Союза». Самое интересное, жениться Высоцкий собирался, не только не оформив развода с первой женой Изой, но даже не поставив ее в известность о своем новом увлечении.

Людмила Абрамова в своем рассказе о встрече с Высоцким отмечает, что она тогда ничего о нем не знала. Между тем в тот год имя Высоцкого, автора и исполнителя собственных песен, было уже хорошо известно поющей моло-

дежи Москвы. Правда, сам он старался скрывать свое имя под псевдонимом. Г. Внуков по этому поводу вспоминает: **«В начале 1962 года** мы с ребятами завалились в ресторан «Кама». Ресторанчик второго класса, но там всегда все было: любые мясные и рыбные блюда, сухие вина двух десятков сортов, не говоря уже о крепких напитках...

И вот однажды я слышу, поют рядом ребята под гитару: **«Рыжая шалава, бровь себе подбрила...»**, **«Сгорели мы по недоразумению...»**. Я – весь внимание, напрягся, говорю своим: «Тише!» Все замолчали, слушаем. Я ментально прокрутил в памяти все блатные, все лагерные, все комсомольские песни – нет, в моих альбомах и на моих пленках этого нет. Нет и в одесской серии. Спрашиваю у ребят, кто эти слова сочинил, а они мне: «Ты что, мужик, вся Москва поет, а ты, тундра, не знаешь?» Я опять к ним: «Когда Москва запела? Я только две недели тут не был». Они: «Уже неделю во всех пивных поют „Шалаву“, а ты, мужик, отстал. Говорят, что какой-то Сережа Кулешов приехал из лагерей и понавез этих песен, их уже много по Москве ходит».

Это случилось в самом начале января 1962 года, и так я впервые услышал имя Сережи Кулешова. Я попросил у ребят слова, мне дали бумажку, я переписал слова и вернул бумажку обратно. Как я сейчас об этом жалею: это был Высоцкий со своей компанией, а той бумажке, исписанной его рукой, сейчас бы цены не было. Высоцкий мне позднее при-

знался, что тогда, в начале 60-х, он всем говорил, что эти песни поет не он, а Сережа Кулешов».

Перемены в личной жизни подвигли Высоцкого и к переменам в творческой судьбе: **в конце 61-го** он уходит из Театра имени Пушкина и переходит в Театр миниатюр. Но и этот переход не принес ему особой творческой радости. Уехав **в конце февраля 1962 года** с театром на гастроли на Урал, Высоцкий пишет Людмиле Абрамовой в Москву (они поселились в двухкомнатной квартире у бабушки Людмилы): «Я почти ничего не делаю и отбрыкиваюсь от вводов, потому что все-таки это не очень греет, и уйти – уйду обязательно. А чтобы было то безболезненно – надо меньше быть занятым...»

Репетируем «Сильное чувство» Рычалова, а недавно дали мне Зоценко и «Корни капитализма»... Это уже репетировал парень, но у него не!!! выходит. Так что кому-то наступаю на мозоль. Уже есть ненавистники. Но мне глубоко и много плевать на все. Я молчу, беру суточные и думаю: «Ну, ну! Портите себе нервишки. А я маленько повременю! И вообще, лапик, ничего хорошего и ничего страшного. Серенькое...»

Выдержать все гастроли Высоцкий не сумел – сорвался. А поскольку главный режиссер театра В. Поляков был ярким трезвенником, ко всем алкогольным закидонам своих артистов он относился с яростью. Поэтому, узнав о срыве Высоцкого, повелел немедленно его уволить из театра и отпра-

вить в Москву первым же поездом. В приказе об его увольнении значится лаконичное резюме: «Отчислить Владимира Высоцкого из театра за полное отсутствие чувства юмора».

Высоцкий вернулся в Москву в начале марта, а спустя некоторое время Людмила Абрамова сообщила ему, что забеременела. Скрывать эту новость не стали. В итоге про это узнала одна из подруг Изы Высоцкой и позвонила ей в Ростов-на-Дону. Иза немедленно связалась с Высоцким: «Это правда?» «Нет, – соврал Высоцкий. – Я вылетаю к тебе и все объясню». «Как влетишь, так и вылетишь», – последовал лаконичный ответ, после чего Иза повесила трубу. А чтобы муж-изменник ее не нашел, она уволилась из ростовского театра и переехала в Пермь. И в течение двух лет она с Высоцким не общалась, он даже адреса ее нового не знал.

Вообще в те дни Высоцкому казалось, что его жизнь идет наперекосяк: он живет с новой женщиной, не расторгнув своего официального брака с первой женой, уходит из второго театра, не проработав в нем и месяца. Он, кажется, ловит свою птицу удачи, не имея представления, что она из себя представляет и где обитает.

Давая определение тем годам в жизни Высоцкого, его жена Людмила Абрамова с горечью отметит: «...начало 60-х – такое время темное, пустое в Володиной биографии... Ну нет ничего – совершенно пустое время».

Об этом же и слова Олега Стриженова: «До Таганки оставалось еще почти два с половиной года безработицы, скита-

ний по киностудиям с униженным согласием играть любые мелкие роли, какие-то кошмарные изнурительные гастролы на периферии...»

Да и сам Владимир Высоцкий запечатлел свое тогдашнее состояние в песнях.

Так зачем мне стараться?
Так зачем мне стремиться?
Чтоб во всем разобраться,
Нужно сильно напиться!

Что же это, братцы! Не видать мне, что ли,
Ни денечков светлых, ни ночей безлунных?!
Загубили душу мне, отобрали волю,
А теперь порвали серебряные струны.

И нельзя мне выше, и нельзя мне ниже.
И нельзя мне солнца, и нельзя луны!

Уйдя из Театра миниатюр, Высоцкий решил попытаться счастья в Театре «Современник», одном из самых знаменитых молодых театров страны. **В марте 62-го** Высоцкий пришел в «Современник» и сыграл в нем по договору ничем не примечательную роль в одном из спектаклей. Однако его талант ничем не приглянулся Олегу Ефремову, и Высоцкий приглашения для дальнейшей работы в театре не получил. Судьба вновь толкает его в стены Театра имени Пушкина,

куда он возвращается **в мае**.

В том же месяце Высоцкий прибывается к новому кинопроекту. На киностудии «Мосфильм» режиссер Александр Столпер приступал к экранизации романа К. Симонова «Живые и мертвые», и в те дни шли интенсивные поиски актеров на главные и эпизодические роли. Решил попытаться счастья и Высоцкий. **8 мая** он сделал фотопробы на роль Золотарева, а **28-го** – на Люсина. Однако ни одна из этих проб не подойдет, и Высоцкого возьмут совсем на другую роль – молодого солдата в небольшом эпизоде. Но об этом речь еще пойдет впереди.

В начале июля вместе с театром Высоцкий отправляется на гастроли, и вновь по Уралу. Края эти явно не прельщают Высоцкого, и он откровенно пишет жене: «До чего же здесь гнусно. Кто может жить здесь – тот ежеминутно совершает подвиг». Но даже несмотря на печаль и тоску, нахлынувшие на него в тех краях, Высоцкий старается держаться молодцом, поскольку его творческие амбиции, кажется, удовлетворены: ему дали первую большую роль в спектакле «Дневник женщины» – шофер Саша. В одном из писем жене он сообщает: «Был дебют в „Дневнике женщины“. Играл! Сказали, что я так и буду играть и в Москве тоже. Поздравляли, Гриценко тоже вчера глядела, обрелась вся, как всегда, а роль комедийная. Поздравляла тоже. Вроде и народу, то есть зрителям, тоже не очень противно...» (К слову, отрывок из этого спектакля с участием Высоцкого был показан по Сверд-

ловскому телевидению. – Ф. Р.).

Не желая потерять эту роль, Высоцкий «завязывает» с алкоголем. По поводу чего радостно сообщает жене: «Я не пью совсем и прекрасно себя чувствую».

Но судьба-злодейка и на этот раз не дала Высоцкому вкушать плоды успеха. После гастролей по Уралу произошел очередной конфликт с главным режиссером Б. Равенских, и Высоцкого снова уволили из театра. Вновь безработица и нищенское прозябание на случайные заработки. Осенью подвернулась работа в фильме А. Столпера «Живые и мертвые». Как мы помним, Высоцкий не прошел фотопробы на роли Золотарева и Люсина, однако его взяли в небольшой эпизод на роль солдата. Это подсуетился Левон Кочарян, с болью наблюдающий уже который год за житейской и творческой неустроенностью своего младшего друга.

Первый съемочный день Высоцкого в «Живых и мертвых» датирован **20 сентября**. В тот день возле деревни Манихино Истринского района Московской области снимали эпизод «вяземский лес» из конца первой серии фильма. Партнерами нашего героя были Дубровин, Пушкарев и др.

На следующий день Высоцкий снимался в местечке Бужарово в эпизоде «лес Бирюкова» из конца фильма. Его партнерами были Кирилл Лавров, Людмила Крылова и др. Съемки длились с 7.00 до 19.00.

22–23 сентября Высоцкий снимался в «вяземском лесу».

25 сентября Высоцкий снова снимался в Бужарово.

Последний съемочный день Высоцкого в «Живых и мертвых» датирован **26 сентября**. В тот день в Бужарово сняли проезд героев фильма в грузовике (кстати, именно этот эпизод в картину и войдет, а большинство остальных с участием Высоцкого вырежут).

Еще печальнее сложится ситуация с фильмом «Грешница» (вышел на экраны **в сентябре 62-го**), где Высоцкий тоже играл эпизодическую роль – там все кадры с его участием полетят в корзину. Правда, Высоцкого это должно было мало огорчать, поскольку фильм получился средний и особого внимания к себе ни широкой общественности, ни критики не привлек. В тот год спорили о других фильмах и ролях. На экранах шли картины: «Гусарская баллада», «Иваново детство», «Коллеги», вышел первый номер сатирического журнала «Фитиль».

Зато по телевидению нет-нет да и гоняли фильмы, где Высоцкий участвовал. Так, **1 сентября** впервые показали «**713-й просит посадку**», а **7 октября** опять же впервые крутанули «**Увольнение на берег**», который **16 декабря** показали еще раз – по заявкам зрителей.

Тем временем **29 ноября** у Высоцкого и Абрамовой родился первенец – сын Аркадий.

В самом начале января 1963 года Высоцкий улетает в Алма-Ату на съемки кинокомедии «Штрафной удар» (съемки фильма начались еще **в октябре 62-го**). Ему вновь предложена эпизодическая роль – гимнаст Юра Никулин – но он

соглашается ради того, чтобы хоть что-нибудь подработать на стороне. Пребывание в той экспедиции ничего радостного Высоцкому не приносит, о чем он и делится в письмах к своей жене. Так, 10 января он сообщает Л. Абрамовой: «Здесь ужасно скучно! Я скоро буду грызть занавески...»

Медео – это такое место с нерусским названием, и абсолютно по-русски лапотно и глупо оформлено... Никаких трибун, гостиниц, ресторанов и даже туалетов. Где живут спортсмены – неизвестно. Кругом бродят яки, куры, коровы, казахи и киношники. Их здесь как собак. Чембулак – это тоже место, и тоже с нерусским названием. Там проходят соревнования по слалому, и там тоже ничего нет. Правда, там есть столовая, но она приносит государству убытки...»

Несмотря на тоску, Высоцкий на съемках почти не пьет, о чем опять же с удовольствием пишет жене в своих письмах: «Тут проходит съезд кинематографистов Казахстана. Приехал Райзман и всякие артисты: Румянцева, Ливанов и т. д. Пьют! А я – нет! И не хочется».

Чуть позже Высоцкий все-таки «развяжет», поскольку компания вокруг него собралась сплошь «питейная»: молодые актеры Владимир Трещалов, Игорь Пушкарев. Когда у актеров кончились суточные, именно Высоцкий предложил ловкий ход: наклеить на лица бороды и, вооружившись гитарами, пройтись с шапкой по электричкам. При этом исполнялась старинная жалостливая песенка: «Я родственник Левы Толстого, его незаконнорожденный внук. Подайте, кто

сколько может, из ваших мозолистых рук...» И люди подавали. А в одном из вагонов актеров остановила какая-то молодая гоп-компания и заставила с ними выпить на брудершафт. Гульба продолжалась в течение нескольких часов.

Художества молодых актеров, естественно, вызывали справедливый гнев администрации съемочной группы. Поэтому когда из Москвы приехал младший администратор с зарплатой, режиссер фильма Вениамин Дорман распорядился Высоцкому, Трещалову и Пушкареву деньги выдать в последнюю очередь. Когда об этом узнал Высоцкий, он отправился на разборки к администратору. Тот отослал его к режиссеру. Но Высоцкий заявил, что не мальчик на побегушках, схватил термос и ударил им администратора по голове. Был большой скандал.

На съемках возле молодых актеров постоянно крутились местные красавицы, которые были столь же доступны, как дешевое вино, продававшееся в местных магазинах. Актеры, естественно, этим пользовались. О чем вскоре сильно пожалели: у двоих из них – Трещалова и Пушкарева – на интересных местах объявились лобковые вши. О Высоцком никаких сведений на этот счет нет.

За съемки в «Штрафном ударе» Высоцкому выпишут гонорар в сумме 1034 рубля 24 копейки. Деньги, в общем-то, приличные, но они тут же разлетелись в разные стороны: надо было кормить первенца, да и долгов у молодых было выше крыши. Высоцкий устроился работать в театральную сту-

дию, что располагалась в Клубе МВД имени Ф. Дзержинского, однако ставка там была мизерная – 50 рублей в месяц. Можно было, конечно, обратиться за помощью к родителям Высоцкого, но он этого делать не хотел – гордость не позволяла. И кто знает, какие мысли посещали Высоцкого в те невеселые для него годы. Может быть, и закрадывались в его сердце сомнения относительно давнего спора с отцом и дедом по поводу выбора своей профессии. Ведь, поступив вопреки воле родителей, в театральную студию и получив актерскую профессию, Высоцкий к 63-му году ничего, кроме житейской неустроенности и душевного разлада с самим собой, так и не приобрел. И жена его, Людмила Абрамова, вспоминая те годы, горько констатирует: «Работы нет, денег ни гроша. Я потихоньку от родителей книжки таскала в букинистические магазины... Володя страдал от этого беспросвета еще больше, чем я. Скрипел зубами. Молчал. Писал песни. Мы ждали второго ребенка...»

Когда в конце 63-го Людмила Абрамова сообщит Высоцкому о скором пополнении семейства, Высоцкого это известие мало обрадует. «Денег нет, жить негде, а ты решила рожать!» – пытался он увещевать свою жену. Разговор этот происходил на квартире Кочарянов, и вмешательство Левона предопределило его концовку. «Кончай паниковать! – сказал Кочарян другу. – Ребенок должен родиться, и весь разговор!»

В мае Высоцкий вновь отправился в Казахстан на съемки

очередного фильма. Это была драма с необычным для такого жанра названием «По газонам не ходить». Речь в фильме шла о восстании рабочих на одной из строек Казахстана – там делами заправлял жестокий начальник, некогда руководивший стройкой, где работали зэки. Высоцкому предназначалась роль одного из помощников главного героя. Однако из этой затеи ничего не вышло. Практически в первый же съемочный день прямо на съемочной площадке Высоцкому стало плохо, и он потерял сознание. На «Скорой помощи» его доставили в больницу, где он провел несколько дней. Узнав об этом, директор «Казахфильма» решил не рисковать здоровьем молодого артиста и дал команду немедленно найти ему замену.

Однако если с кино дела у Высоцкого шли неважно, то песенное творчество, что называется, било ключом – к этому времени большинство его песен уже распевалось по всей Москве и области. По рукам всюду ходили магнитофонные записи, сделанные на разных квартирах, где выступал Высоцкий. На одной из таких вечеринок, на Большом Каретном, 15, побывал знаменитый шахматист Михаил Таль, оставивший об этом свои воспоминания: «С Высоцким мы познакомились **весной 1963 года** ... Тогда имя молодого артиста Владимира Высоцкого было уже достаточно известным. Естественно, с прибавлением уймы легенд, но имя было у всех на слуху... Нас представили друг другу, и через две минуты у меня сложилось впечатление, что знакомы мы с ним

тысячу лет. Не было абсолютно никакой назойливости...

Там было очень много людей... Хотел Володя этого или нет, но он всегда был в центре внимания. С настойчивостью провинциала практически каждый входящий на третьей, пятой, десятой минутах просил Володю что-то спеть. И Володя категорически никому не отказывал».

О тех же временах оставил свои воспоминания и артист Владимир Трещалов, который снимался с Высоцким в «Штрафном ударе», а позже прославился исполнением роли Сидора Лютого в «Неуловимых мстителях»: «Я договорился со звукооператорами телевидения, и эти ребята в аппаратном цехе студии Горького записали Высоцкого. Тогда Володя пел почти час. Это было **в самом начале лета 63-го**. Запись эта довольно быстро распространилась, и песни Высоцкого пошли гулять по Москве».

К этому времени репертуар Владимира Высоцкого был уже достаточно внушителен, но самыми знаменитыми были следующие песни: **«Красное, зеленое, желтое, лиловое»** (1961), **«Татуировка»** (1961), **«У тебя глаза, как нож»** (1961), **«Рыжая шалава»** (1961), **«В тот вечер я не пил, не ел»** (1962), **«Где твои 17 лет?»**, **«За меня невеста отрыдает честно»** (1962), **«Серебряные струны»** (1962), **«Это был воскресный день»** (1962), **«В Пекине очень мрачная погода»** (1963), **«Антисемиты»** (1963), **«Катерина»** (1963), **«Кучера из МУРа укатали Сивку»** (1963), **«Сегодня в нашей комплексной бригаде»** (1963).

Надо отметить, что до сего дня не утихают споры вокруг блатного репертуара Владимира Высоцкого. Многие из тех, кто поверхностно знает творчество поэта, считают, что те ранние блатные песни – это не что иное, как пустая трата времени, занятие несерьезное и не стоящее особого внимания. Мол, и тексты в них бестолковые, и музыка примитивная. Между тем уже тогда, в начале 60-х, у этих песен Высоцкого были горячие почитатели в среде, весьма далекой от блатной. По словам однокурсницы Высоцкого М. Добровольской, большим поклонником поэта был их преподаватель по Школе-студии Андрей Донатович Синявский: «Синявский весьма ценил эти первые песни Володи. **«Это был воскресный день»** или **«Татуировка»** ... Да, ведь Андрей Донатович вместе с женой Марией Розановой сами прекрасно пели блатные песни!

Синявский был большим знатоком и ценителем такого рода народного творчества, и именно это он ценил в Володе. Как мне кажется, именно Синявский заставил Высоцкого серьезно этим заниматься... Он считал, что Володино раннее творчество ближе к народному. И до сих пор – мы недавно с ним разговаривали – Андрей Донатович думает, что это у Володи самое главное, настоящее».

Синявский, безусловно, прав, отдавая дань ранним песням Высоцкого. Ведь все в творчестве Высоцкого взаимосвязано, и не будь тех ранних блатных песен, то не было бы и позднего Высоцкого с его военными и сатирическими

циклами. Сам же поэт за два года до своей смерти говорил: «Я начал со стилизации так называемых блатных песен. Они мне очень много дали в смысле формы. Меня привлекала в них несложная форма с весьма незатейливой драматургией и простой идеей – без хитрого и сложного подтекста. Эти песни окрашены тоской по человеческой близости. Окуджава, который писал иные песни, выражал эти чувства другими средствами. Я же (сам, кстати, выросший на задворках) отражал в песнях „псевдоромантику“ и брожение беспокойного духа пацанов проходных дворов».

Но наиболее точно и верно охарактеризовала раннее творчество Владимира Высоцкого его вторая жена Людмила Абрамова: «А почему он начал писать песни, которые – Володя Высоцкий? А что делать актеру, когда ему нечего играть? А что делать Актеру с самой большой буквы – Великому Актеру! – когда ему нечего играть? Он сам себе начал делать репертуар. То есть не то чтобы он делал его сознательно: „Дайка я сяду и напишу себе репертуар...“ Так не было. А вот когда есть потребность себя высказать, а негде: в „Свиных хвостиках“, что ли, или в „Аленьком цветочке“? Вот он и зазывал своих друзей, придумывал всякие штучки-дрючки, чтобы актеры поохотали. Это не уровень актерского творчества, это уровень актерских забав. А кто бы ему написал такую пьесу, да еще гениальную, про то, как шли в Монголию, про двух зэков? Кто? Да еще дал сыграть одного зэка, да другого, да повара с половничком? Кто бы ему тогда на-

писал пьесу про штрафников?»

Безусловно, Владимир Высоцкий искал самовыражения как актер, но на сцене этого не находил. Ведь в Театре миниатюр были задумки поставить спектакль по его песне **«Та-туировка»**, но дальше проекта дело так и не пошло. Поэтому единственным средством самовыражения для Высоцкого оставалось его песенное творчество, ведь песни его были нечем иным, как своеобразными мини-спектаклями. А то, что тогда это были в основном блатные песни, неудивительно: Высоцкий пел о том, что ему было хорошо знакомо, ведь он сам был не кем иным, как одним из «пацанов проходных дворов». К тому же судьба не только бросила его в одно из самых романтических мест Москвы, из благополучной Германии на Большой Каретный, но вдобавок ко всему наградила и самым «блатным» голосом из всех, что можно было только себе представить, – голосом «с трещиной». Человек с таким голосом, кажется, был просто рожден для того, чтобы петь **«Нинку»** или **«На Большом Каретном»**. И не зря поэтому сам Высоцкий, отвечая в июне 70-го на вопрос анкеты: «Чего больше всего боитесь в жизни», ответил: «Потери голоса».

А мы-то, пацаны 60-х—70-х, слушая песни Высоцкого, думали, что голос его не иначе как «пропитой». Да и сам Высоцкий как-то однажды рассказал следующее: «Я со своим голосом ничего не делаю, потому что у меня голос всегда был такой. Я даже был когда-то вот таким маленьким пацаном и читал стихи каким-то взрослым людям, они говорили: „Надо

же – какой маленький, а как пьет!“ То есть у меня всегда был такой голос – как раньше говорили, „пропитой“, а теперь из уважения говорят – с „трещинкой“.

Когда в 56-м Высоцкий поступал в Школу-студию, о нем тогда говорили: «Это какой Высоцкий? Хриплый?» И Высоцкий тогда пошел к профессору-отоларингологу, и тот выдал ему справку, что голосовые связки у него в порядке и голос может быть поставлен. А то не видать бы Высоцкому актерской профессии как собственных ушей.

Чем еще запомнился Высоцкому 63-й год? Он получил очередное приглашение сниматься в кино. На этот раз от Василия Шукшина, который взял его в свою дебютную ленту «Живет такой парень» на роль деревенского парня Хыца. Натурные съемки фильма проходили на Алтае. Однако окончательный вариант эпизода с участием Высоцкого почему-то не вошли.

Между тем **конец 63-го года** застал Высоцкого далеко от Москвы – в Сибири, в Томске. Попал он туда случайно: сидел со своим приятелем актером Михаилом Туманишвили в буфете Театра киноактера, когда к ним подошел администратор Калмыцкой филармонии В. Войтенко и предложил подхалтурить – съездить с гастролями по городам Сибири, Алтая и Казахстана. «Так у нас и программы никакой нет!» – удивились друзья. «А ничего особенного и не надо: выучите пару отрывков из какой-нибудь прозы да еще три-четыре стихотворения – вот и вся программа, – ответил Войтенко. –

Я сегодня улетаю в Томск – там работают Зинаида Кириенко и Леонид Чубаров, а через несколько дней закажу вам билеты, и вы их смените».

В Томск Высоцкий и Туманишвили прилетели **30 декабря**. И уже на следующий день давали свой первый концерт. Дрожали от страха, как школьники, поскольку за те несколько дней, что у них было до отъезда, они успели выучить только один отрывок из прозы (его читал Туманишвили) и несколько стихотворений Маяковского (их декламировал Высоцкий). Однако публика приняла молодых актеров достаточно тепло. А потом и вовсе дела пошли на лад: Войтенко в местном кинопрокате за две бутылки водки нанял кинемеханика, и тот стал помогать гастролерам – крутил ролики с отрывками из фильмов, где они снимались. К тому времени гастролеры уже вполне освоились и помимо стихов и прозы разыгрывали смешную сценку из книжки Карела Чапека. За полтора месяца гастролей Высоцкий и Туманишвили выступили в нескольких городах: Томске, Колпашеве (**10 января**), Барнауле, Бийске (**1 февраля**), Горно-Алтайске, Рубцовске. В Москву гастролеры вернулись только **в конце февраля 1964 года**.

Между тем единственным местом работы Высоцкого тогда был Клуб МВД имени Ф. Дзержинского, где он играл в спектакле «Белая болезнь». Символичное название для человека, у которого в трудовой книжке была лаконичная надпись, что он не имеет права работать по профессии из-за

систематического нарушения трудовой дисциплины, то есть из-за пьянок.

В апреле судьба Владимира Высоцкого вновь пересеклась с Театром имени Пушкина: его пригласили туда сыграть по договору роль в хорошо знакомом ему спектакле «Дневник женщины». Высоцкий, естественно, согласился. А в мае он едва не ушел из жизни. Случилось следующее.

На майские праздники он сильно загулял с друзьями и как-то вечером, возвращаясь домой, был задержан милиционерами. Те препроводили его в вытрезвитель. Высоцкий идти туда не желал, активно сопротивлялся и всю дорогу твердил, что он актер, что снимается в кино. Стражи порядка в ответ скалились: «Что-то мы тебя ни в одном фильме не видели». И так достали Высоцкого своими издевками, что уже в вытрезвителе он выдернул из брюк ремень и захотел повеситься. Спасло его чудо. В тот самый момент, когда петля захлестнула шею, в камеру зашел пожилой старшина. Он и вынул уже задыхавшегося Высоцкого из петли. И в тот же день позвонил его отцу.

Спустя несколько дней, по настоянию родных, Высоцкий согласился лечь в наркологическую клинику. Тогда всем еще верилось, что таким способом можно вылечить его от тяжелого недуга. Горькая правда выяснится позже, а пока недельное пребывание Высоцкого в больничных стенах вроде бы помогло – с выпивкой он завязал.

По выходе из больницы Высоцкий уезжает в Айзкрауле

(Латвийская ССР) на съемки фильма «На завтрашней улице» режиссера Ф. Филипова, у которого он еще в 61-м снимался в фильме «Грешница»: там он играл корреспондента, здесь – молодого бригадира строителей Петра Маркина. Причем в «Улицу» он попал с большим скрипом. Начальник актерского отдела Адольф Гуревич был категорически против его кандидатуры, считая Высоцкого алкоголиком. Но режиссер сумел-таки его уговорить. Гуревич согласился, но пригрозил Высоцкому: сорвешься – вышибу с киностудии с «волчьим билетом».

Когда об этом узнали друзья Высоцкого – Всеволод Абдулов и Геннадий Ялович, – они испугались: хорошо зная друга, они были уверены в том, что он не сможет долго выдерживать «сухой закон», обязательно сорвется и – прощай кино. И тогда они решили отправиться вместе с киногруппой, чтобы приглядывать за Высоцким. А чтобы их взяли, сами (!) дописали в сценарий роли под себя. Они «создали» бригаду строителей, которая вызывала на соцсоревнование бригаду Маркина. Хитрость удалась: режиссеру понравилась новая сюжетная линия, и он включил молодых актеров в группу.

13 мая Высоцкий пишет жене письмо, где сообщает: «Наша таборная жизнь течет нормально. Целый день мужики лежат вверх животами, а бабы ходят и гадают (за деньги), когда будет съемка. Безделье. Вечером – звон гитары молодого черноголового Абдулова Севки и пляски вокруг костра, а потом спим в шатрах-палатках на пляжных простынях. По-

года только сегодня хорошая, а так – дождь и холодно. Хожу я как герой из „Великолепной семерки“ – в джинсах и в американских ботинках, так что выходит очень великолепно. Вчера собрал бутылку земляники (1231 штука), считал и нагибался за каждой ягодой, а потом с молоком съел. Результат налицо и на желудок – тяжелая, но скоротечная медвежья болезнь. Хотели разрушить нашу беззаботную жизнь и сегодня назначить съемку, но вдруг кто-то намекнул, что сегодня 13-е число и понедельник. Все забегали и испугались. Так что, если не будет съемок еще два дня, – будет 50 % зарплаты. Это плохо. Я живу экономно и не принимаю. У нас четверых общий котел, но я это дело кончаю и из шараги со скандалом выхожу, потому что они все жрут и иногда пьют и мне выгоды нету.

Вчера комсомольцы ГЭС пригласили нас на «голубой огонек». Я рассказывал, какой я артист, и пел и играл с Яловичем сценку, а потом по микрофону пели американскую бодягу, а труженики плясали ТВИСТ и махали бедрами. Пахло потом, дымом и похотью. Одна работяга своей мозолистой рукой погладила нашего звукотехника (в прямом смысле погладила), и у того рожа в царапинах. Люсик! Мне здесь скучно!..»

Высоцкий сумел воссоединиться с женой только в конце месяца, когда были отсняты эпизоды с его участием. Однако жена женой, но Высоцкий находит время ухаживать и за другими девушками. Вот как это выглядит в рассказе свиде-

теля тех событий – тогдашнего начальника Калининградского порта Ильи Н. (много лет спустя он рассказал об этом В. Золотухину): «К нам приехал Театр миниатюр Полякова. Я пригласил театр, устроили прием. Там были две потрясающие девки: Томка Витченко и Рысина. У меня разбежались глаза. Они даже смеялись надо мной: „Смотри, он не знает, на ком остановиться!“ Ладно. Томка жила в Москве... набережная... там полукругом спускается дом. **Лето 1964 года.** Я приезжаю в Москву. Прихожу к ней, мы сидим, выпиваем. Где-то поздно ночью звонок, приходит парень... Мы сидим, выпиваем втроем. Три часа ночи. Кто-то должен уйти. Мы ждем, кто это сделает. Она не провожает, не выгоняет никого... нам весело... но мы ждем друг от друга, кто уйдет. В конце концов мы уходим вместе... Прощаемся, берем такси. Он уезжает в одну сторону, я – в противоположную. Через пять минут к ее подъезду подъезжают одновременно два такси. Выходит этот парень, выхожу я... Мы рассмеялись и опять поднимаемся вместе. И до 12 дня выпиваем... Этот парень был Володя Высоцкий. Тогда я, разумеется, не знал... Хотя он и тогда был с гитарой и пел...»

9 июля Высоцкий вновь срывается в Латвию, чтобы продолжить съемки в фильме «На завтрашней улице». **16 июля** он пишет в письме жене: «Я теперь жарюсь на солнце, хочу почернеть. Пока – старания напрасны. Обгорели ноги до мяса, а спина не обгорела до мяса – обгорела до костей. Хожу с трудом, все болит... Никак, лапа, не посещает меня муза

– никак ничего не могу родить, кроме разве всяких двустиший и трехстиший. Я ее – музу – всячески приманиваю и соблазняю, – сплю раздетый, занимаюсь гимнастикой и читаю пищу для ума, но... увы – она мне с Окуджавой изменила. Ничего... это не страшно, все еще впереди. Достаточно того, что вся группа, независимо от возраста, вероисповедания и национальности, распевает „Сивку-Бурку“, „Большой Каретный“ и целую серию песен о „шалавах“...

Позвони отцу – расскажи, какой я есть распрекрасный трезвый сын В. Высоцкий...»

18 июля в своем очередном письме жене Высоцкий пишет: «А вообще скучно... Читать нечего. Дописал песню про «Наводчицу». Посвятил Яловичу. Ребятам нравится, а мне не очень...»

Как и положено истинным творцам гениальных произведений, им обычно не нравятся именно те произведения, которым впоследствии предстоит стать всенародно любимыми. Я лично из своего глубокого детства помню полутемный подъезд старого пятиэтажного дома, нас, ребят-малолеток, и пацанов чуть постарше, один из которых, ударяя по струнам «шаховской» семиструнки, поет:

Ну и дела же с этой Нинкою,
Она ж спала со всей Ордынкою,
И с нею спать – ну кто захочет сам?
– А мне плевать – мне очень хочется...

И вот это последнее – «а мне плевать – мне очень хочется» – разнеслось потом среди московской ребятни со скоростью холеры. Мы щеголяли этой фразой к месту и не к месту, картинно закатывая глаза и во всем стараясь сохранить интонацию оригинала.

Она ж хрипит, она же грязная,
И глаз подбит, и ноги разные.
Всегда одета, как уборщица, —
Плевать на это – очень хочется!

Сам того не подозревая, Высоцкий в июле 64-го создал гениальную вещь, которая стала своеобразным гимном дворов и подворотен 60-х, своеобразную «Мурку» того времени. В тех дворах и подворотнях не пели песен Александры Пахмутовой, там пели «Нинку», которая «спала со всей Ордынкою». Да и сам Высоцкий в одном из писем июля 64-го писал жене: «...писать, как Пахмутова, я не буду, у меня своя стезя, и я с нее не сойду».

К слову, Всеволод Абдулов утверждал, что «Нинка» была написана чуть раньше поездки в Ригу – в Москве, на Пушкинской улице, в коммунальной квартире скрипача Евгения Баранкина. В. Абдулов вспоминает: «Мы сидели у Жени. Отмечали какое-то событие или просто так собрались, сказать не могу, только в три часа ночи кончилась водка. А в начале 60-х на радость всем нам работало кафе „Арарат“, куда ночью в любое время можно было постучаться и увидеть двух

швейцаров с благородными, честными лицами:

– Сколько?

Ты говорил, сколько – хоть ящик! – и тут же получал требуемое количество бутылок. По пять рублей (при госцене 2 рубля 87 копеек).

Пошли мы с Володей в «Арарат» и остановились у автоматов с газированной водой: они тогда только-только появились. Кидаешь три копейки, автомат говорит: «Кх-х-хх», – и либо не выдает ничего, кроме газа, либо наливает стакан воды с сиропом, вкус которой непредсказуем заранее и зависит от честности лица, заправлявшего его накануне. (Сушая правда. В 70-е годы я был знаком с парнем, который работал на этих автоматах на Киевском вокзале, так вот он разбавлял сироп... акварельной краской. – Ф. Р.). Володя жутко завидовал мне в то время: я умел обращаться с этими устройствами. Подходил к автомату, долго смотрел ему в лицо, определяя место, в которое нужно ударить. Потом бил мягкой частью кулака: «Др-р!» – и получал воду с сиропом. У Володи этого не получалось, и я его учил.

Приблизились мы к автоматам, и вдруг Володя отошел в сторону, произнеся:

– Постой, чудак, она ж наводчица...

Потом мы зашли в «Арарат», отоварились, возвратились к Баранкину, и Володя спросил:

– Жень, где мне здесь присесть? Нужно кое-что записать.

Отошел в угол, а буквально через пятнадцать минут спел

нам ту самую «Нинку»...»

Тем временем пребывание Высоцкого в Латвии продолжается. Воспользовавшись образовавшимся в съемках «окном», Высоцкий и его друзья решают на пару дней съездить в Ригу. На календаре было **21 июля**. О том, чем завершилась эта поездка, вновь вспоминает В. Абдулов: «У нас было два свободных дня, и мы чувствовали себя самыми богатыми людьми в Советском Союзе. Потому что получили отпускные в театре, суточные и квартирные. Кроме того, за съемки нам заплатили по 100–130 рублей, тратить которые было не на что: питались мы с местных колхозно-совхозных полей, варили себе очень вкусные обеды. Пиво за 22 копейки, водка за 2,87.

Скопившиеся деньги мы повезли в Ригу, начали их тратить! Добирались туда долго, но весело. Приехали днем и пошли в ресторан. Потом заняли очередь в «Лидо», сидели там на левом балконе – прекрасный оркестр, танцующие пары... Европа! Гуляли на полную катушку: кидали бокалы в окно – и вообще, много было сумасшествия и безобразия.

Познакомились с каким-то мастером спорта по боксу и ночью из «Лидо» пошли к нему пешком. Потом он нас ограбил – проснулись без копейки денег, осталась только чья-то записка.

Отправились купаться на море. Меня понесли – встать я не мог. Доставили на пляж, я рухнул головой к воде и таким образом спал еще некоторое время. А потом подошел Воло-

дя:

– Сев, послушай. Я играл в преферанс и спустил половину наших оставшихся денег, рублей двадцать.

А я считался знатоком игры и значительно превосходил Володю в этой области – по общему мнению. Окунулся в море и пошел отыгрывать наши деньги. Сел. Володя принес стакан холодного шампанского с коньяком. Я выиграл несколько игр, а потом, естественно, все поплыло у меня в глазах, так что и оставшиеся двадцать рублей оказались проигранными.

Но всему прекрасному приходит конец, и мы поехали на вокзал, так как давно пора было возвращаться на съемку. При отъезде нас предупредили: в случае опоздания придется уплатить за срыв съемки 4500 рублей. По тем временам нам пришлось бы на каторге лет пять отрабатывать эти деньги.

Между тем на вокзале выяснилось, что последний прямой поезд ушел, а следующий отправляется только вечером. Мы сели на другой, проехали примерно половину пути, а там, совершенно уже обалдев, выскочили на шоссе ловить попутку. Попутка довезла нас до места, от которого до съемочной площадки оставалось всего километров 60. И мы пустились бегом. Бежали, бежали, бежали... Я последним, совершенно умирая. Слышу – кто-то несется сзади. Оборачиваюсь и вижу: меня догоняет здоровенная собака. Я к ней:

– Ты тоже опаздываешь?

После чего я упал наземь и заявил:

– Все, ребята! К эдакой матери, но дальше не пойду.

Тут, к счастью, испортилась погода, пошел дождь – значит, съемку отменили, и не за наш счет...»

И все же та поездка едва не сорвала последующие съемки. В Риге Ялович забыл в автобусе портфель, в котором находились плавки Высоцкого. А он в них уже снимался в предыдущих эпизодах. Режиссер, естественно, поднял крик: ищи те же плавки, в которых ты был в кадре ранее. А где их теперь найдешь? В итоге сошлись на том, чтобы больше Высоцкого на пляже не снимать.

В отличие от своих друзей, которые нет-нет, но позволяют себе «заложить за воротник», Высоцкий продолжает с гордостью нести бремя непьющего человека. 29 июля в длинном письме жене вновь звучит радость за себя: «Я расхвастался затем, чтобы ты меня не забывала, и скучала, и думала, что где-то в недружелюбном лагере живет у тебя муж ужасно хороший, – непьющий и необычайно физически подготовленный.

Я пью это поганое лекарство, у меня болит голова, спиртного мне совсем не хочется и все эти экзекуции – зря, но уж если ты сумлеваешься – я завсегда готов...

Было вчера собрание... Впервые ко мне нет претензий – это подогревает морально.

Я, лапочка, вообще забыл, что такое загулы, но, однако, от общества не отказываюсь...»

Высоцкий вывел эти строчки **3 августа**, а пять дней спу-

стя в Москве у него родился второй сын – Никита. И счастливый отец пишет **15 августа** своей жене: «Я тебя очень люблю. А я теперь стал настоящий отец семейства (фактически, но не де-юре – это в ближайшее будущее), я и теперь чувствую, что буду бороться за мир, за счастье детей и за нравственность».

В это же самое время судьба готовила Высоцкому тот самый крутой поворот, который должен будет серьезно изменить всю его творческую жизнь.

К 1964 году московский Театр драмы и комедии, что на Таганке, исчерпал все свои творческие возможности и практически дышал на ладан. Назначенный в ноябре 1963 года новый директор театра Николай Дупак предпринимал все возможные меры, чтобы вдохнуть в старые мехи свежее вино. В конце концов судьба послала ему удачу на этом поприще. Актер Театра имени Е. Вахтангова Юрий Любимов был в то время и режиссером курса в Щукинском училище. Силами своих студентов он поставил спектакль по произведению Б. Брехта «Добрый человек из Сезуана». Увидев этот спектакль, Дупак пригласил Любимова к себе в театр, и тот, недолго думая, согласился. Так, в феврале 64-го бывшего главного режиссера театра А. Плотникова отправили на пенсию и на его место назначили Юрия Петровича Любимова. Могли ли тогда представить себе чиновники от культуры, сколько хлопот доставит им в скором будущем человек, которого они привели к руководству нового театра? Ведь

им казалось, что лояльность этого человека predeterminedена всей его прошлой деятельностью: работа в ансамбле НКВД, съемки в таких официозных фильмах, как «Молодая гвардия» и «Кубанские казаки».

23 апреля состоялось первое представление спектакля «Добрый человек из Сезуана» на сцене Таганки. Отныне это число стало датой официального рождения нового московского театра.

В конце августа, вернувшись в Москву со съемок, Высоцкий узнал о возникновении нового театра. И ему захотелось непременно попасть в его труппу. В качестве протеже выступил актер Станислав Любшин, который привел Высоцкого на показ к Любимову. Вспоминая тот день, режиссер позднее рассказывал: «Показался он так себе... можно было и не брать за это. Тем более за ним, к сожалению, тянулся „шлейф“ – печальный шлейф выпивающего человека. Но я тогда пренебрег этим и не жалею об этом».

Почему же Любимов взял к себе посредственного артиста Высоцкого, да еще с подмоченной репутацией? Сыграла ли здесь свою роль внутренняя интуиция большого режиссера или было что-то иное? Л. Абрамова объясняет это так: «Любимову он был нужен для исполнения зонгов. Он хотел перенести „Доброго человека из Сезуана“ на сцену театра, чтобы театр потерял студийную окраску, чтобы он стал более брехтовским... Снять эту легкую окраску студийности, которая придавала спектаклю какую-то прелесть, но не про-

фессионально-сценическую. Вместо этой свежести Любимов хотел высокого профессионализма. И он искал людей, которые свободно поют с гитарой, легко держатся, легко выходят на сцену из зала... Искал людей именно на брехтовское, на зонговое звучание. Как раз это делал Володя. Это никто так не делал, вплоть до того, что брехтовские тексты люди воспринимали потом как Володины песни...

Володя пришел на Таганку как к себе домой. Все, что он делал, – весь свой драматургический материал, который он к этому моменту наработал, – все шло туда, к себе домой. И то, что они встретились, что их троих свела судьба: Любимова, Губенко и Володю... – это могло случиться только по велению Бога».

В эти же дни **начала сентября** в Москву приехала первая жена Высоцкого Иза. Как мы помним, два года назад, узнав о том, что муж изменил ей с другой женщиной и та ждет от него ребенка, она прервала с ним всяческие отношения и сбежала в Пермь. Однако в 64-м у Изы случился роман с молодым человеком, который привел к беременности. Молодые собрались пожениться, но для этого Изе требовалось оформить развод с Высоцким. Именно по этому случаю она и приехала в Москву. Кстати, Высоцкому этот развод понадобился еще раньше – когда у него один за другим родилось двое сыновей. Иза ему этот развод давала, высылала в Москву документы, но Высоцкий... каждый раз их терял. Но в сентябре 64-го, когда Иза сама приехала в Москву, все про-

шло без каких-либо приключений. В мае 65-го у Изы и ее мужа родится сын Глеб.

9 сентября 1964 года Высоцкий был взят по договору на Таганку на два месяца во вспомогательный состав с окладом в 75 рублей в месяц. Первый выход на сцену состоялся **19 сентября**: Высоцкий подменил заболевшего актера в роли Второго Бога в спектакле «Добрый человек из Сезуана». По причине ремонта старого здания Таганки спектакли тогда проводились в Телетеатре на площади Журавлева.

24 октября на Таганке начинаются репетиции еще одного спектакля – «Десять дней, которые потрясли мир». У Высоцкого в нем сразу несколько ролей: матрос на часах у Смольного, анархист и белогвардейский офицер. В этом же спектакле он впервые выступит в качестве певца – в образе анархиста лихо сбациает народную песню «На Перовском на базаре».

На той репетиции присутствовал бывший педагог Высоцкого по театральному училищу Андрей Синявский. В те дни в издательстве «Наука» вышла его книга (в соавторстве с Меньшутиным) «Поэзия первых лет революции», которую он захватил с собой и подарил Высоцкому, сделав на ней трогательную надпись: «Милому Володе – с любовью и уважением. 24.X.64. А. С.».

Рождение второго сына, встреча с Любимовым – все эти события на какое-то время привели Высоцкого в то душевное равновесие, которого он, быть может, давно не имел. Как

результат: из-под пера Высоцкого на свет явилась одна из первых песен о войне – **«Штрафные батальоны»**. Л. Абрамова по этому поводу очень точно выразилась: «Эти выходы вне человеческого понимания, выше собственных возможностей: они у Володи были, и их было много. И происходили они совершенно неожиданно. Идут у него **«Шалавы»**, например, и потом вдруг – **«Штрафные батальоны»**. Тогда он этого не только оценить, но и понять не мог. А это был тот самый запредел. У интеллигентных, умных, взрослых людей, таких, как Галич и Окуджава, – у них такого не было. У них очень высокий уровень, но они к нему подходят шаг за шагом, без таких чудовищных скачков, без запредела». Вполне вероятно, что материалом к песне «Штрафные батальоны» для Высоцкого послужили рассказы участкового милиционера Гераскина, который, посещая по долгу службы их компанию на Большом Каретном, иногда участвовал в их застольях и в подпитии рассказывал ребятам о своей нелегкой фронтовой судьбе, о своей службе в штрафбате.

В том году это был не единственный прорыв Владимира Высоцкого в запредел. «Батальоны» подтолкнули его к созданию целой серии военных песен, таких как **«Высота»**, **«Братские могилы»**, **«Падали звезды»**, **«Павшие бойцы»**. Тогда же родились и первые «политические» песни Высоцкого: песня **«Жил был дурачина-простофиля»** была посвящена Хрущеву, которого в октябре 64-го насильно отправили на пенсию.

Но был добрый, этот самый простофиля,
Захотел издать указ про изобилие.
Только стул подобных дел не терпел,
Как тряхнет, и ясно, тот не усидел.
И очнулся добрый малый простофиля
У себя на сеновале, в чем родили.

Вторая песня – **«Отберите орден у Насера»** – была посвящена тогдашнему президенту Египта, которому Хрущев со своего «барского» плеча в мае 64-го года даровал не шубу даже, а Звезду Героя Советского Союза. Журналист Игорь Беляев спустя четверть века после этого события писал: «Сам Насер, получив уведомление о намерении высокого советского гостя (в мае 64-го Хрущев был в Египте на открытии Асуанской ГЭС) наградить его столь почетной, но весьма специальной наградой, очень тактично дал понять, что ему не хотелось бы, чтобы эта высшая советская военная награда была вдруг вручена ему. Однако попытки президента уговорить советского лидера отказаться от задуманного не привели к желаемому результату.

Тогда Насер решил обратиться к Н. С. Хрущеву с другой просьбой, которая, как он рассчитывал, должна была удержать его от намеченного шага: вручить такую же награду одновременно и маршалу Амеру, вице-президенту Египта. Расчет был прост: тот явно не заслуживал высшей награды, а раз так, то ее не получит и президент Египта.

Однако Н. С. Хрущева ничто не удержало от задуманного. Так в Египте появилось сразу два Героя Советского Союза».

Подобное беззастенчивое разбазаривание знаков национальной гордости вызывало у простых советских людей, в том числе и у Высоцкого, чувство глубокого недоумения и горечи. «Потеряю истинную веру», – пел Владимир Высоцкий, выражая тем самым мнение 200-миллионного советского народа.

Потеряю истинную веру —
Больно мне за наш СССР:
Отберите орден у Насеру —
Не подходит к ордену Насер!
Можно даже крыть с трибуны матом,
Раздавать подарки вкривь и вкось,
Называть Насера нашим братом, —
Но давать Героя – это брось!
Почему нет золота в стране?
Раздали, гады, раздали!
Лучше бы давали на войне, —
А Насеры после б нас простили.

Песня довольно смелая по тем временам, за исполнение которой к Высоцкому вполне могли бы применить меры устрашающего характера. Но к тому моменту Хрущева, инициатора вручения Насеру звания Героя, уже сместили, и песня эта оказалась даже как бы к месту. Так же «к ме-

сту» оказались и другие «политические» произведения певца, но уже из «китайского цикла»: «**В Пекине очень мрачная погода**» (1963), «**Мао Цзэдун – большой шалун**» (1964), «**Возле города Пекина**» (1965), «**Как-то раз цитаты Мао прочитав**» (1965). В одной из песен («В Пекине очень мрачная погода») заключительными строчками были:

Мы сами знаем, где у нас чего.

Так наш ЦК писал в письме открытом, —

Мы одобряем линию его!

15 октября (на следующий день после смещения Н. Хрущева) Высоцкий предпринимает первую серьезную попытку запечатлеть свои песни для истории: он записывает на магнитофон 48 своих произведений. Там были и песни «китайского цикла», и «**Татуировка**», и «**Нинка**», и многие другие его вирши.

1965

Врастание Высоцкого в Таганку проходит столь успешно, что уже в **январе** его переводят из вспомогательного состава в основной. На душе у него радостно: кажется, впервые за долгие годы странствий по разным театрам он понимает, что нашел то, что надо.

Супруге Высоцкого начало нового года запомнилось иным: «За хлебом – очереди, мука – по талонам, к праздникам. Крупа – по талонам – только для детей», – вспоминает Л. Абрамова.

Помнится, и мне родители рассказывали об этих очередях, а я все думал, в какую же зиму это было? Оказывается, в 65-м. Родители вставали к магазину с раннего утра по очереди – пока один стоял, другой находился со мной дома. Магазин – старая булочная, известная еще с дореволюционных времен – находился на знаменитом Разгуляе, напротив МИ-СИ, того самого, где Владимир Высоцкий проучился полгода. Теперь на месте этой булочной стоит здание Бауманского райсовета.

И вновь воспоминания Л. Абрамовой: «И вот кончилась зима, и Никита выздоравливал, но такая досада – в этих очередях я простудилась, горло заболело. Как никогда в жизни – не то что глотать, дышать нельзя – такая боль. Да еще сыпь на лице, на руках. Побежала в поликлинику – думала, нена-

долго. Надолго нельзя – маму оставила с Аркашей, а ей на работу надо, она нервничает, что опоздает. Володя в театре. Причем я уже два дня его не видела и мучилась дурным предчувствием – пьет, опять пьет...

Врач посмотрела мое горло. Позвала еще одного врача. Потом меня повели к третьему. Потом к главному. Я сперва только сердилась, что время идет, что я маму подвожу, а потом испугалась: вдруг что-то опасное у меня. И болит горло – просто терпеть невозможно. Врач же не торопится меня лечить – позвали процедурную сестру, чтобы взять кровь из вены. Слышу разговор – на анализ на Вассермана. Я уже не спрашиваю ничего, молчу, только догадываюсь, о чем они думают. Пришел милиционер. И стали записывать: не замужем, двое детей, не работает, фамилия сожителя (слово такое специальное), где работает сожитель... Первый контакт... Где работают родители... Последние случайные связи... Состояла ли раньше на учете... Домой не отпустили: «Мы сообщим... о детях ваших позаботятся... Его сейчас найдут. Он обязан сдать кровь на анализ...» Я сидела на стуле в коридоре. И молчала. Думать тоже не могла. Внизу страшно хлопнула дверь. Стены не то что задрожали, а прогнулись от его крика. Он шел по лестнице через две ступеньки и кричал, не смотрел по сторонам – очами поводил. Никто не пытался даже ЕГО остановить. У двери кабинета Он на секунду замер рядом с моим стулом. «Сейчас, Люсенька, пойдем, одну минуту...»

И все стало на свои места. Я была как за каменной стеной: ОН пришел на помощь, пришел защитить. Вот после этого случая он развелся с Изой, своей первой женой, и мы расписались...

А горло? Есть такая очень редкая болезнь – ангина Симановского-Венсана. Она действительно чем-то, какими-то внешними проявлениями похожа на венерическую болезнь, но есть существенная разница: при этой болезни язвы на слизистой оболочке гортани абсолютно не болят».

Тем временем прошло четыре месяца со дня смещения Н. С. Хрущева с его постов, и в «Правде» появилась статья нового главного редактора ведущей партийной газеты страны А. Румянцева под названием «Партия и интеллигенция». Устами нового проповедника решительно осуждались как сталинский, так и хрущевский подход к интеллигенции и звучал призыв к выработке нового, теперь уже правильного, курса. Автор статьи ратовал за свободное выражение и столкновение мнений, признание различных школ и направлений в науке, литературе и искусстве. Коллективу молодого Театра на Таганке в скором времени одному из первых предстояло воочию ощутить на себе выработку этого «нового партийного курса».

А дела в театре у Высоцкого складываются как нельзя хорошо. **13 февраля** состоялась премьера спектакля «Антимиры» по А. Вознесенскому, где у него одна из главных ролей. **2 апреля** следует еще одна премьера – «Десять дней,

которые потрясли мир». В тот же день с Высоцким заключается договор на написание песен для спектакля «Павшие и живые».

Песенное творчество Высоцкого также не стояло на месте: **20 апреля** в ленинградском Институте высокомолекулярных соединений (в кафе «Молекула») состоялись два его концерта. Два первых концерта перед широкой аудиторией! Концерты длились по два часа, в каждом было исполнено по 18 песен.

Прорыв в военную тематику, совершенный Высоцким в прошлом году, в 1965 году был продолжен всего лишь одной песней «**Солдаты группы „Центр“**». В мае им была написана песня «**Корабли**». А чувство одиночества и душевного разлада с самим собой, по всей видимости, толкнуло Высоцкого на написание в тот год песен: «**Сыт я по горло**» и «**У меня запой от одиночества**». В том же году Высоцкий навсегда распрощался с блатной тематикой: последними песнями этого цикла стали «**Катерина, Катя, Катерина**», «**В тюрьме Таганской...**» и «**Мне ребята сказали**».

Кинематограф в том году предложил ему две роли: в мае поступило предложение от Виктора Турова с «Беларусьфильма» сыграть эпизодическую роль танкиста Володи в картине «Я родом из детства», а Эдмонд Кеосаян взял его на роль гармониста Андрея Пчелки в комедию «Стряпуха». Могла случиться и третья роль – сотник Степан у Андрея Тарковского в «Андрее Рублеве» (пробы шли с **17 декабря**

64-го по март 65-го) – но Высоцкий сам все испортил. Он удачно прошел фотопробы, но перед кинопробами внезапно ушел в запой. Тарковский ему тогда сказал: «Извини, Володя, но я с тобой больше никогда не буду работать». Режиссер имел право так сказать: это был второй подобный инцидент между ними. В первый раз Высоцкий точно так же подвел Тарковского перед съемками телевизионного спектакля по рассказу Фолкнера. К слову, на роль сотника Степана пригласят В. Паулуса, но тот во время съемок заартачится (испугается садиться на лошадь), и его заменят Николаем Граббе. Но вернемся к Высоцкому.

Если в «Стряпуху» нашего героя взяли практически сразу (они дружили с Кеосаяном), то в «Я родом из детства» все было гораздо сложнее. Туров спал и видел в роли танкиста Николая Губенко и трижды посылал за ним в Москву свою ассистентку. Но Губенко был тогда занят, и ассистентка трижды привозила Высоцкого, который на тот момент был свободен. Когда худсовет увидел его пробы, то сразу встал на его сторону. Но Туров настаивал на Губенко. Тогда в дело вмешался оператор фильма Александр Княжинский, который знал Высоцкого и ему симпатизировал. Потом и Туров проникся к Высоцкому симпатией, и они даже стали друзьями.

Съемки в обоих фильмах начались почти одновременно («Стряпуху» начали снимать **4 июля**, «Я родом...» – **11 августа**), поэтому Высоцкому пришлось их совмещать друг с

другом. Правда, в белорусской картине эпизодов с его участием было значительно меньше, поэтому там он был считанное количество дней, заработав за съемки 660 рублей. Другое дело «Стряпуха», где у Высоцкого роль была пошире (отсюда и гонорар в 740 рублей), правда, сам он относился к ней как к недоразумению. Мало того что ему пришлось покрасить волосы в рыжий цвет, так еще и песни петь под гармошку не свои, а народные. Одно было хорошо – фильм снимался в благодатном Краснодарском крае (в Усть-Лабинске), где овощей и фруктов было немерено и вино лилось чуть ли не из водопроводных кранов. На почве любви к вину на съемках несколько раз случались скандалы. Вот как об этом вспоминает В. Акимов (второй режиссер на картине):

«Два месяца снимались почти без перерыва. Работы было очень много, все делалось очень быстро. Поэтому в пять утра я уже всех поднимал, в 6 выезжали в степь на съемки и – пока не стемнеет... А потом набивалось в хату много народу, появлялась гитара со всеми вытекающими последствиями: часов до двух ночи пение, общение. А Эдик Кеосаян Володю пару раз чуть не выгнал. Поскольку мы ежедневно ложились спать в 2–3 ночи, а в 5 уже вставали, то, естественно, на лице артиста и на его самочувствии это отражается. И Эдик был страшно недоволен, скандалил, грозился отправить Володю в Москву...»

Сам Высоцкий о тех съемках тоже отзывался нелицеприятно: «Ничего, кроме питья, в Краснодаре интересного не

было, стало быть, про этот период – все».

Высоцкий был на съемках в «Стряпухе», когда в Москве открылся 4-й Международный кинофестиваль. На него в числе многочисленных гостей была приглашена и Марина Влади. В Москву она приехала не одна, а со своим тогдашним мужем, бывшим летчиком, а теперь владельцем аэропорта в Гонконге. **8 июля** они посетили Большой театр, где в тот вечер шел спектакль «Дон Кихот» с Марисом Лиепой в главной роли (это был его дебют в этой роли).

Между тем во время одного из перерывов в съемках Высоцкий слетал в Москву, где **25 июля** сходил-таки в ЗАГС и узаконил свои отношения с Людмилой Абрамовой. Тогда же они с женой снялись на телевидении в фильме «Картина», где Высоцкому досталась роль молодого художника, а Абрамовой – роль его возлюбленной. По словам самой актрисы, их первая и последняя телевизионная попытка закончилась провалом, и все это действие она образно назвала «кошкин навоз».

В начале сентября Таганка открыла очередной сезон. Высоцкому вновь приходится разрываться на несколько фронтов: играть в театре и летать на съемки двух фильмов. Так, в начале сентября он летит в Ружаны, где снимают «Я родом из детства» (съемки там начались **30 августа**). Вспоминает А. Грибова: «Костюмерная находилась на месте съемок, а основная группа жила в Слониме. И вот приезжает туда со съемок „Стряпухи“ Высоцкий и привозит огромную

бутыль вина „Каберне“. Они ее там распили, а потом, видно, Княжинский вспомнил, что я в Ружанах. И вот с остатками этого вина, на военном джипе Руднев, Туров и Сивицкий поехали к нам... Я спросила: „А где Высоцкий?“ А его, говорят, пришлось оставить...

Утром они стали чинить джип, чуть не сорвали съемку (снимали эпизод, где люди смотрят в клубе фильм «Чапаев». – *Ф.Р.*). Потом привезли Высоцкого, а он на ногах не стоит. Сивицкий его держал, а мы с Клавдией Тарасовой надевали на него съемочный костюм. Со съемок Высоцкого привозят назад в автобусе в том же виде. Раздевали уже Сивицкий и Клавдия Тарасовна, а Володя при этом очень дергался. И как стукнет головой в челюсть Клавдии Тарасовне. А она закричала: «У меня зубы золотые. У тебя денег нет их вставить, если выбьешь». В этот день Володя, видимо, не снялся. Эпизод в клубе, наверное, переснимали в другой раз, там были большие съемки...»

Вспоминает Б. Сивицкий: «В первый же день, вечером, была сделана запись песен Высоцкого для картины. Кстати, песня **«В холода, в холода...»** была написана утром – после того, как мы распили «Каберне». Мы с Высоцким спали в одном номере. Утром он попросил у меня листок бумаги, куда переписал текст песни. Лист пришлось вырвать из рабочей тетради тренера. Тут же Володя взял гитару и исполнил эту песню. Спросил: «Пойдет?» – и отнес Турову.

Вернемся к истории записи песен в Ружанах. Там был

деревянный клуб с необычной акустикой, где и была сделана запись песен Высоцкого на профессиональной аппаратуре. На записи присутствовали Туров, Княжинский и еще несколько человек, записывал звукооператор Бакк... Разговоров во время записи не было, так как в клубе был сильный резонанс. Володя пел тогда все подряд без заказов. После записи, когда мы вышли из клуба, нас обступили ветераны: «Как? Что? Почему нас не пригласили?» Чтобы избежать разговоров, Туров поскорее посадил нас в машину, и мы уехали в Слоним. Закончился этот день обильным возлиянием молдавского вина «Алб де Маса» и проводами Высоцкого на поезд. Он все кричал, что у него запись на телевидении и ему непременно надо быть в Первопрестольной...»

В Москве Высоцкого застали дурные вести: он узнал, что **8 сентября** КГБ арестовал его бывшего преподавателя по Школе-студии Андрея Синявского (четыре дня спустя по этому же делу был арестован еще один фигурант – Юлий Даниэль). Более того: во время обыска на его квартире были обнаружены магнитофонные кассеты с записями Высоцкого. И хотя особых претензий чекисты к автору песен не предъявили, однако поволноваться все равно пришлось. На почве этих волнений Высоцкий вновь срывается и подводит театр – вместе с артистом Таганки Кошманом они не приходят на спектакль. **3 октября** местком обсуждает их безобразное поведение и выносит им «строгача». Кошман вроде одумался, а вот Высоцкий нет: спустя несколько дней он са-

мовольно покидает Москву и уезжает на съемки: сначала в «Стряпуху», которая снимается уже в селе Красногвардейское, а потом в Гродно, в «Я родом из детства». О съемках в последнем вспоминают очевидцы.

Р. Шаталова: «Остался в памяти Володин приезд в начале октября на съемки в Гродно. Встречаем его на перроне и предлагаем ехать прямо на съемочную площадку. Съемка уже идет, сцена большая – нужно успеть снять до наступления темноты. Все это быстро выкладываем ему. Но Володя взмолился: „Братцы, мне нужно часа два поспать. Ехал в купе с военными – всю ночь пели и пили“. Мы мягко напираем: „Володечка, как же так, мы же по телефону говорили, что будет напряженка. Актрисе Добронравовой надо уезжать в Ленинград на спектакль“. А он с юморком: „Девчонки, вы со мной не очень-то... Я в Москве теперь знаменитый“. Пришлось отвезти его в гостиницу „Неман“. Через пару часов идем в номер будить, захватив еду и игровой костюм. Заходим к нему и видим: Володя лежит одетый на кровати, ноги на приставленном стуле, руки скрещены на груди. Подумалось, что солдат прикорнул перед боем.

В Гродно Володя приехал легко одетый, в одной рубашке, говорил, что прямо со спектакля на поезд. А на следующий день резко похолодало. Володю одели в съемочный реквизит. Есть фотографии, где Высоцкий одет в кофту Княжинского или в съемочную куртку. А как только Володя увидел на мне свитер, который я связала для брата, тут же стал упрашивать

продать ему: «А с братом, мол, в Минске сочтемся». – «Хорошо, говорю, только гони 10 рублей за нитки». Через некоторое время смотрю журнал «Театр» со снимком Высоцкого в роли Гамлета. Высоцкий там в черном свитере ручной вязки, похожем на мой...»

А. Грибова: «В Гродно были очень хорошие съемки (шли **с 22 сентября по 28 октября**). Снимали серьезную сцену на вокзале, и Володя нервничал. Но сняли хорошо. Под конец съемки Высоцкого «загрузили» немножечко. Вечером Володя пришел в ресторан в военном костюме – он его «обживал» и ходил в нем постоянно, то есть как был на съемочной площадке, так и пришел. Он присел в ресторане за наш столик – я была с Ларисой Фадеевой. Ожидая свой заказ, Володя вдруг стал снимать с себя грим, то есть шрам на лице. Это было ужасно, так как в этот день мы все были на нервах после трудной съемки. Короче, я всплила и убежала, бросив обед. Володя расстроился еще больше. Утром пришел извиняться. А он был легкораним, особенно в тот период.

В Гродно случилась интересная история с сапогами. У меня из реквизита была одна пара сапог на троих актеров: Ташкова, Высоцкого и еще кого-то. Они все снимались в разных эпизодах, поэтому их хватало. После съемки Володя уехал навеселе в гостиницу «Неман». Утром привозят его на съемку, а он в гимнастерке и босой... Я ему говорю: «Где сапоги?» А он: «Не знаю...» – «Убью. Здесь, на месте». Съемка срывается. Сорокового размера больше нет. Я вся в слезах.

Кто-то из ребят хватается машину и едет к нему в номер. Высоцкий в этот момент сидит в гриме. Сапоги находят на антресолях – он умудрился их туда зашвырнуть. Привозят их, а он: «Надо же, оказывается, я был в сапогах». Позже Ташков эти сапоги прорубил, когда снимали рубку дров в Ялте...»

По возвращении Высоцкого в Москву, **15 октября**, собирается новое собрание, где вопрос уже ставится ребром: выгнать Высоцкого из театра. Высоцкий клятвенно обещает исправиться и даже заявляет, что готов лечь в больницу на лечение, но только после того, как сыграет **18 ноября** премьеру «Павших и живых» и уладит еще ряд важных дел.

7 ноября Высоцкий дал очередной домашний концерт – у Л. Седова. Собравшиеся там гости стали слушателями следующих песен: «**Песня снайпера**», «**Мой друг уехал в Магадан**», «**Мой сосед объездил весь Союз**», «**За тех, кто в МУРе**», «**Солдаты группы „Центр“**», «**Сыт я по горло**», «**Песня про попутчика**» и др.

На следующий день Высоцкий отправился в Смоленск на съемки «Я родом из детства» (они проходили там **2—19 ноября**). Вспоминает Р. Шаталова: «Когда в ноябре мы переехали для съемок в Смоленск, то нам под известность Высоцкого ничего не стоило собрать массовку в шесть тысяч человек. Просто по радио объявили, что в массовках участвует Владимир Высоцкий. Хотя, пожалуй, людей было гораздо больше, их невозможно было посчитать при таком скоплении. И это несмотря на холодную промозглую погоду.

На съемках случился такой казус. Приезжаем мы на берег Днепра, чтобы снять сцену казни полицаев. Массовка громадная, подготовка к съемкам затянулась... Володя забрался в тонваген, чтобы согреться, и там уснул. А мы в суматохе не заметили, что его нет на площадке... Через некоторое время спохватились, что на общем плане, который снимали, Володи нет. Признаемся в этом Турову. А он: «Ладно, поднимем на крупном плане». Володя проснулся и видит, что идет съемка. И он, как бы заглаживая вину, стал активно помогать ассистентам разводить массовку...»

Вернувшись со съемок, Высоцкий **18 ноября**, сразу после премьеры «Павших и живых», не оставшись на банкет, отправился в соловьевскую больницу.

Надо сказать, что алкоголиком себя Высоцкий тогда не считал и на все просьбы родных и друзей всерьез взяться за свое здоровье отвечал: «Не ваше дело». Когда его старый приятель Артур Макаров в сердцах бросил ему фразу «Если ты не остановишься, то потом будешь у ВТО полтинники на опохмелку собирать», Высоцкий на него здорово обиделся и какое-то время даже не общался. Вспоминая запои мужа, Л. Абрамова рассказывает: «Исчезал... Иногда на два дня, иногда на три... Я как-то внутренне чувствовала его жизненный ритм... Чувствовала даже, когда он начинает обратный путь. Бывало так, что я шла открывать дверь, когда он только начинал подниматься по лестнице. К окну подходила, когда он шел по противоположной стороне улицы. Он возвращался.

А когда Володя пропал, то первое, что я всегда боялась, – попал под машину, в пьяной драке налетел на чей-то нож...»

Однако в ноябре 65-го сложилась такая ситуация, что Высоцкий был поставлен перед дилеммой: либо пьянство, либо – Таганка. И вот тут он по-настоящему испугался и выбрал последнюю. Лечащим врачом Высоцкого в «Соловьевке» был известный ныне врач-психиатр Михаил Буянов. О том времени его рассказ: **«В ноябре 1965 года** я проходил аспирантуру на кафедре психиатрии Второго московского мединститута имени Пирогова: однажды меня вызвал Василий Дмитриевич Денисов – главный врач психбольницы № 8 имени Соловьева, на базе которой находилась кафедра:

– В больницу поступил какой-то актер из Театра на Таганке. У него, говорят, большое будущее, но он тяжелый пьяница. Дирекция заставила его лечь на лечение, но, пока он у нас, срывается спектакль «Павшие и живые», премьера которого на днях должна состояться. Вот и попросил директор театра отпускать актера вечерами на спектакль, но при условии, чтобы кто-то из врачей его увозил и привозил. Мой выбор пал на вас... Не отказывайтесь, говорят, актер очень талантливый, но за ним глаз да глаз нужен. И райком за него просит...

Все прежние врачи шли у него на поводу, пусть хоть один врач поставит его на место.

И направился я в отделение, где лежал этот актер. Фамилия его была Высоцкий, о нем я прежде никогда не слышал.

В отделении уже знали о моей миссии. Заведующая – Вера Феодосьевна Народницкая – посоветовала быть с пациентом поосторожнее:

– Высоцкий – отпетый пьяница, такие способны на все. Он уже сколотил группку алкоголиков, рассказывает им всякие байки, старается добыть водку. Одной нянечке дал деньги, чтобы она незаметно принесла ему водки. Персонал у нас дисциплинированный, нянечка мне все рассказала, теперь пару дней Высоцкий напрасно прождет, а потом выяснит, в чем дело, и примется других уговаривать. Он постоянно путает больницу, кабак и театр.

– Так он просто пьяница или больной хроническим алкоголизмом?

– Вначале ему ставили психопатию, осложненную бытовым пьянством, но вскоре сменили диагноз на хронический алкоголизм. Он настоящий, много лет назад сформировавшийся хронический алкоголик, – вступила в разговор лечащий врач Алла Вениаминовна Мешенджинова, – со всем набором признаков этой болезни, причем признаков самых неблагоприятных. И окружение у него соответствующее: сплошная пьянь.

– Неужто домашние не видят, что он летит в пропасть?

– Плевал он на домашних. Ему всего лишь 27 лет, а психика истаскана, как у сорокалетнего пьяницы. А вот и он, – врач прервалась на полуслове.

Санитар ввел в ординаторскую Высоцкого. Несколько лу-

кавое, задиристое лицо, небольшой рост, плотное телосложение. Отвечает с вызовом, иногда раздраженно. На свое пьянство смотрит, как на шалость, мелкую забаву, недостойную внимания занятых людей. Все алкоголики обычно уменьшают дозу принятого алкоголя – Высоцкий и тут ничем не отличается от других пьяниц.

– Как вы знаете, Владимир Семенович, в вашем театре готовится премьера. По настоятельной просьбе директора – Николая Лукьяновича Дупака – наш сотрудник будет возить вас на спектакли. Только прошу вас без глупостей.

– Разве я маленький, чтобы меня под конвоем возить?

– Так надо.

На следующий день мы с Высоцким отправились на спектакль – и так продолжалось около двух месяцев.

Когда повез его в первый раз, я настолько увлекся спектаклем, что прозевал, как Высоцкий напился. Потом я стал бдительнее и ходил за ним как тень... Когда мне стало надоедать постоянно контролировать его, я выработал у него в гипнозе (как всякий алкоголик, он очень податлив к внушению) рефлекс на меня: в моем присутствии у него подавлялось желание пить. Когда Высоцкого выписали из больницы, меня какое-то время приглашали на всевозможные банкеты, на которых он должен был присутствовать, ибо в моем обществе Высоцкий не пил вообще. Затем рефлекс, более не подкреплявшийся, сам по себе угас...»

Пребывание Высоцкого в «Соловьевке», да еще в одной

палате с буйными психически больными людьми, принесли ему мало приятных впечатлений. Зато подвигли его на написание нескольких песен, ставших вскоре знаменитыми.

Сказал себе я: брось писать,
Но руки сами просятся.
Ох, мама моя родная, друзья любимые!
Лежу в палате – косятся,
не сплю: боюсь – набросятся, —
ведь рядом психи тихие, неизлечимые...

Выписался из больницы Высоцкий в самом начале декабря. И сразу вышел на сцену Таганки в спектакле «Антимиры» (**5 декабря**). Затем он слетал в Ялту, где продолжались съемки фильма «Я родом из детства». Вспоминает А. Грибова: «В Ялте произошел интересный эпизод. Володя приехал туда без гитары. Съемки в тот день не было. Я пришла в гримерную, где сидели Туров, Княжинский, Высоцкий и гример. Ассистенты привели откуда-то мальчика лет 18 с гитарой. Ну не отберешь же. Дали ему попеть. „Ну, а Высоцкого ты знаешь?“ „Да“, – говорит. Все слушают очень серьезно, а Володя сидит, опустив глаза. Мальчик спел. Высоцкий протягивает руку: „Дай, – говорит, – я попробую“. Короче, мальчику стало очень неудобно...»

Вернувшись, он узнал неожиданную новость: ведущий актер Таганки Николай Губенко ушел из театра, чтобы учиться во ВГИКе на режиссера. И все его крупные роли тут же

перешли к Высоцкому: Керенский в «Десяти днях, которые потрясли мир» и Чаплин и Гитлер в «Павших и живых».

В том же декабре Высоцкого пригласили приехать в Куйбышев и выступить там на местном телевидении с несколькими песнями. Предложение было архизаманчивым, но он отказался. Как объяснил он сам И. Кохановскому в одном из тогдашних писем: «Моя популярность песенная возросла неимоверно. Приглашали даже в Куйбышев, на телевидение, как барда, менестреля. Не поехал. Что я им спою? Разве только про подводную лодку. Новое пока не сочиняется...»

25 декабря Высоцкий пишет письмо в Магадан своему другу Игорю Кохановскому. В нем он сообщает: «Помнишь, у меня был такой педагог – Синявский Андрей Донатович? С бородой, у него еще жена Маша. Так вот уже четыре месяца, как разговорами о нем живет вся Москва и вся заграница. Это – событие номер один... При обыске у него забрали все пленки с моими песнями и еще кое с чем похлеще – с рассказами и так далее. Пока никаких репрессий не последовало, и слезки за собой не замечаю, хотя – надежды не теряю».

1966

Год начался с приятного события: **4 января** Высоцкий был приглашен дать концерт в Институт русского языка. Зал был полон, и сотрудники института слушали гостя затаив дыхание. Вспоминает О. Ширяева: «...Кофе для Володи налили в высокую и неустойчивую чашку. Он ее нечаянно опрокинул и залил новую и очень светлую шерстяную рубашку. Страшно огорчился: как же он будет выступать в таком виде. Пришлось петь в пиджаке, хотя в зале было жарко и душно, потому что народу набилось, как сельдей в бочку. А форточки мы вынуждены были закрыть, чтобы не мешал шум от троллейбусов и прочего транспорта.

Это был первый сольный и чисто песенный вечер Высоцкого, на котором мы присутствовали. Он сопровождал песни комментариями, разъяснениями и отвечал на вопросы. Исполнил **«Песню завистника»**, **«В госпитале»**, **«Песню про Сережку Фомина»**, **«Все ушли на фронт»**, **«Штрафные батальоны»**, **«Письмо рабочих тамбовского завода»**, **«Песню об очень сознательных жуликах»** и многое другое. Принимали с энтузиазмом.

Вернулись в комнату. Володя снял пиджак. Рубашка была почти насквозь мокрая, хоть выжимай. Мы решили не выпускать его, пока он не «остынет», но Володя и сам не хотел простудиться. Володя сказал, что обстановка, конечно,

нервная. Кто-то отметил, что в зале был секретарь парторганизации. Но Высоцкий возразил, что секретари тоже разные бывают. И добавил, что, разумеется, не все можно петь, но ему страшно понравилось, как реагировал на песни и закрылся рукой один мужчина.

Потом Володя рассказал, что сейчас пишет большой цикл, около пятидесяти песен, о профессиях, там есть про химиков, про физиков... Мама сказала:

– Мы про физиков знаем.

– Ну это вы не мою знаете.

– Нет, вашу, – и мама процитировала строчку, а он ужасно удивился:

– Откуда вы знаете?

– А мы все знаем.

Тогда Володя предложил спеть нам «черновик» новой песни **«У меня запой от одиночества»**. Песня – просто блеск, и все мы были страшно горды, что нам оказана честь быть первыми слушателями.

Часы показывали половину двенадцатого, а Володе надо было успеть еще в одно место. Мы пошли провожать его до дверей. Меня поразило, что Володя прощался со всеми, кого встречал в коридоре...»

19 января Высоцкий дал сразу два концерта: сначала в ДК МГУ на Ленинских горах, затем на химическом факультете МГУ. Спел 13 песен: **«Тропы еще в антимир не протоптаны...»**, **«Наш Федя»**, **«Братские могилы»**,

«Штрафные батальоны», «Вот раньше жисть...», «За меня невеста...», «Мой сосед объездил весь Союз...», «Нейтральная полоса», «У тебя глаза – как нож», «В Пекине очень мрачная погода», «Солдаты группы „Центр“, «Собрались десять ворчунов», «На Перовском на базаре».

После этих выступлений с концертами пришлось временно завязать. Почему? Дело в том, что в **феврале** состоялся суд над арестованными в сентябре 65-го писателями Андреем Синявским и Юлием Даниэлем. Синявского осудили на 7 лет лагерей, Даниэля – на 5. Как мы помним, Высоцкий оказался замешан в это дело косвенно: у Синявского нашли записи его песен. Поэтому «сверху» была спущена негласная директива: «Высоцкого – прижать!» В итоге за весь 1966 год он не даст и десятка публичных концертов и в марте, в беседе с О. Ширяевой, опасливо будет вопрошать: «А твои знакомые не отнесут мои записи кой-куда? Меня сейчас поприжали с песнями».

6 марта в компании своих коллег по театру Высоцкий отработывал обязательку – давал концерт в одном из столичных ЖЭКов. Народу в красном уголке было много, но большинство составляли пенсионеры, которым песни Высоцкого были до лампочки. Высоцкий даже назвал все происходящее «позором». Но честно отработал свой номер, хотя плохо себя чувствовал. А вечером он вышел на сцену «Таганки» в спектакле «Павшие и живые».

Днем **8 марта** на «Таганке» показали «Антимиры», после чего труппа устроила банкет по случаю Международного женского дня. По каким-то причинам Высоцкий на него не остался.

В том же **марте** композитор Микаэл Таривердиев обратился к Высоцкому с просьбой написать песню к спектаклю для дипломного спектакля ГИТИСа «Кто ты?», который ставил курс под руководством Б. Покровского. Высоцкому была задана тема о доме, старом доме, и он достаточно быстро написал «Песню о старом доме» («Стоял тот дом всем жителям знакомый, его еще Наполеон застал...»). Эту же песню Высоцкий тем же летом отдаст и в картину «Саша-Сашенька», о чем речь еще пойдет впереди.

5 апреля Высоцкий в компании еще нескольких бардов (Кукин, Клячкин, Анчаров, Городницкий) отправился выступать в Политехнический музей. Высоцким были исполнены следующие песни: «**Братские могилы**», «**Десять тысяч и всего один забег...**», «**Нейтральная полоса**», «**Солдаты группы „Центр“**», «**Бал-маскарад**».

7 апреля Высоцкий участвовал в солом представлении «Десяти дней, которые потрясли мир». Далее полистаем дневник Ольги Ширяевой:

«**11 апреля.** К десяти утра в театр приехал Любимов, а в начале одиннадцатого, запыхавшись, с книгами под мышкой – В. В. (далее просто – Высоцкий). Видимо, была репетиция «Галилея».

12 апреля. После репетиции около трех дня видела Высоцкого, уехавшего на маршрутке в сторону площади Пушкина.

13 апреля. В свой выходной все репетировали, потом решили, что терять нечего, и дали ночные «Антимыры» (22.00).

15 апреля. Впервые после ххiii съезда пошли «Павшие...» (На время съезда спектакль играть запретили. – *Ф. Р.*).

16 апреля. Днем из театра вышли Смехов, Высоцкий в своем пиджаке «букле» и красном галстуке (!), Золотухин, Славина и др. С ними общался Таривердиев (он в те дни писал музыку к фильму «Саша-Сашенька», а Высоцкий был автором слов к песням и играл эпизодическую роль. – *Ф. Р.*). Одна гитара на всех. Поймали машину и поехали (Таривердиев остался)...»

В эти же дни Высоцкий съездил в Минск, где заканчивалась работа над фильмом «Я родом из детства» – шли последние павильонные съемки. Именно там, в перерывах между работой, Высоцкий написал «**Песню о сентиментальном боксере**». Вспоминают В. Шакало и А. Линкевич: «Высоцкий уселся в стороне от других участников съемки и начал что-то быстро записывать на развороте обложки книги.

Вдруг раздался голос режиссера: «Высоцкий, на площадку!»

Володя тут же поднимается, оставляя книгу на стуле. Начинаются пересъемки сцены встречи с Ниной Ургант. Кто-то из оставшихся незадействованным в съемке эпизода актеров присел на освободившийся стул, а книгу передал одному из находившихся рядом знакомых. Друзья решили таким образом подшутить над Высоцким и заодно проверить его реакцию на исчезновение книги.

Возвращается радостный Высоцкий. Съемка получилась. На сегодня он свободен, можно будет покинуть душный павильон студии и отдохнуть. Первый вопрос к тому, кто сидит на стуле: «Где моя книга?» Тот молчит. Молчат и все остальные... Вид у Высоцкого был такой, как будто он хотел убить того, кто признается... Молчание становилось тягостным. Владимир еще раз обвел всех взглядом, что-то буркнул и выскочил из павильона...

Сегодня благодаря этому нелепому розыгрышу мы имеем автограф Владимира Семеновича Высоцкого с черновыми набросками первого и второго вариантов известной «Песни о сентиментальном боксере». На наш взгляд, она является как бы переломной точкой между ранним и средним периодами творчества Владимира Высоцкого. Она открывает целую серию песен спортивного, фантастического и сказочного циклов...»

Между тем в родном театре дела Высоцкого складываются успешно: он был введен еще на одну роль вместо Николая Губенко – Галилей в спектакле «Жизнь Галилея» по Б.

Брехту. Эта роль станет для Высоцкого судьбоносной. Премьера спектакля состоялась **17 мая** и доказала всем – в лице Высоцкого Таганка заимела актера с большой буквы. Вот почему, когда в те майские дни Губенко изъявил желание вернуться в театр и попросил вернуть ему роль Галилея, ему отказали – Высоцкий играл ее не хуже. Как пишет Л. Абрамова: «Сердце будущим живет! И ведь что замечательно – каждый раз именно так и получалось. 1962-й, 1963-й, 1964-й, 1965-й бегом, бегом, закусив губу, точно по длинной лестнице вверх – и оно наступило: долгожданное, обетованное утро зимнее! Все плохое осталось позади: не забытое, не вычеркнутое, но пройденное, пережитое...

Володя сыграл Галилея. Все предыдущие роли в Таганке были хороши – и сами по себе, и еще как обещание Насстоящей роли. Вершины. Он рубил ступени. Чтобы выйти на эту вершину, кроме актерского труда нужно было преодолеть еще один очень крутой подъем, оставить позади очень страшную трещину – надо было перестать пить. В этом преодолении сложилось многое – Володино усилие воли, помощь врачей, вера и желание близких. Больше всего, наверное, – требовательная любовь Юрия Петровича Любимова: Володя совершил свое восхождение не в одиночку, это было восхождение любимовского театра».

Та же констатация восхождения Владимира Высоцкого на вершину успеха и в словах В. Смехова: «Жизнь Галилея» – лучшая пьеса Бертольда Брехта. Исполнив роль великого

ученого, Владимир Высоцкий получил очень много: и дипломы театральных конкурсов, и бодрый скепсис коллег из других театров, и глубокий анализ своего труда в печати – известными театроведами, и, видимо, внутреннее право, путевку на роль Гамлета».

Премьера «Галилея» позволила Владимиру Высоцкому сделать свой первый серьезный шаг к широкой актерской известности. Ведь вплоть до этого года его имя мало чем выделялось среди других актеров Таганки, где истинными лидерами были Зинаида Славина, Николай Губенко и Валерий Золотухин. Теперь в этот ряд был вписан и Владимир Высоцкий.

21 мая Высоцкий объявился у кинотеатра «Иллюзион», пытаясь попасть на ретроспективу фильмов Анджея Вайды. Однако билетов в кассах уже не было, и Высоцкий, наверное, битый час стоял у входа, стреляя лишний билетик.

23 мая Высоцкий играл в «Галилее», на следующий день – в «Павших и живых».

Тем временем на Одесской киностудии готовится к постановке фильм, с которым у Высоцкого тоже связана своя отдельная история. Имя ему – «**Вертикаль**». Фильм этот первоначально должны были снимать два выпускника режиссерских курсов Н. Рашеев и Э. Мартиросян. Но они решили пойти самым нетрадиционным путем – фильм про альпинистов надумали снимать... на Красной площади. По их задумке это должен был быть фарс, в котором альпинистам

предстояло штурмовать не какую-то там вершину, а Спасскую башню Кремля. У ленты и название было соответствующее – «Мы – идиоты». Видимо, на студии поняли это название буквально и обоих начинающих режиссеров от работы отстранили. В итоге фильм доверили снимать режиссерам с традиционными взглядами – Станиславу Говорухину и Борису Дурову.

Между тем сценарий фильма был откровенно слабым, но, поскольку принадлежал перу одного из чиновников Госкино, был обречен на постановку. А Говорухин с Дуровым взяли за него только потому, что задумали в качестве палочки-выручалочки использовать популярные альпинистские песни. А их в те годы лучше всех писал Юрий Визбор. Вот к нему в конце мая и отправился Борис Дуров. Но Визбор, прочитав сценарий, работать отказался. При этом и Дурову посоветовал «линять с проекта». Но тот советом пренебрег и отправился в картотеку «Мосфильма» – искать подходящих актеров на роли. Далее послушаем его собственный рассказ: «Я добрался до ящика Театр на Таганке, до буквы „В“. Читаю – Владимир Семенович Высоцкий. Всматриваюсь в фото. Спрашиваю у хозяйки комнаты:

– Ольга Владимировна, это не тот Высоцкий, который песни пишет?

– Тот, тот! – вдруг как-то всполошилась женщина. – И не думайте его брать! Он нам недавно съемку сорвал! Алкоголик!

Через несколько дней, договорившись с актерами о пробах, я вернулся в Одессу и рассказал Говорухину о насторожившем меня разговоре на «Мосфильме». Слава тогда тоже не был знаком с Володией. Решили вызвать, поговорить.

И вот Высоцкий в Одессе. Сидим на лавочке во внутреннем дворике. В руках у Володи гитара. Одну за другой он поет свои песни. Рельефно выступают вены на шее, совершенно очевидно, что он отдается каждой песне до конца. Мы переглядываемся с Говорухиным, понимая в этот момент друг друга без слов: «Он! Он! Только он будет писать песни для нашего фильма!». Это так радостно, но впереди неприятный разговор, который сейчас кажется просто бестактным. Но снимать нам в горах, где каждый неверный шаг может быть последним. Я все рассказываю. Володя мрачнеет, потом говорит: «Это правда. Но на вашей картине этого не будет, даю слово. Она мне очень нужна. Это будет первый фильм, где зритель впервые увидит и услышит меня...»

К слову, в том же мае на «Мосфильме» режиссер Михаил Швейцер готовился к съемкам «Золотого теленка» и искал исполнителя на роль Остапа Бендера. По рассказам некоторых очевидцев, кто-то предлагал ему попробовать Высоцкого. Но Швейцер заявил: «Для Остапа Бендера Высоцкий слишком драматичен... не только как актер, как человек – драматичен». В итоге в июне на эту роль будет утвержден Сергей Юрский.

Между тем в самом конце мая Высоцкий отправляется

в Ригу, чтобы подписать договор с тамошней киностудией по поводу его участия в фильме «**Последний жулик**» (договор утвержден **2 июня**). Именно в те дни с Высоцким случилась одна криминальная история, которая едва не поставила крест на его карьере. Дело было так.

В Риге тогда объявился сексуальный маньяк, который нападал на девочек от 5 до 15 лет. По словам жертв, это был молодой человек невысокого роста, который любил декламировать стихи. Одно из стихотворений, вернее песен, принадлежало... Владимиру Высоцкому. Оперативники поначалу не придали значения этому обстоятельству, но когда сразу несколько жертв опознали в фотографии Высоцкого своего мучителя, они решили проверить эту версию. И узнали, что Высоцкий аккурат в те самые дни, когда происходили преступления, находился в их краях, в Риге. Тут уж даже у самых отъявленных скептиков сомнения улетучились. Поскольку Высоцкий к тому времени вернулся обратно в Москву, рижские сыщики дали запрос в столицу. Видимо, кто-то из московских милиционеров оказался большим поклонником творчества Высоцкого и предупредил его о грозящих ему неприятностях, посоветовав на время спрятаться. Высоцкий так и поступил: нашел приют дома у своего друга Юрия Гладкова. Последний вспоминает: «Володя пришел ко мне и вот здесь, в этой комнате, жил два дня. Я ему сказал: „Сиди здесь и никуда не выходи!“ А в это время мы вместе с Борисом Скориним наводили справки... В конце концов мы

узнали, что к Володе это никакого отношения не имеет...»

Позднее именно эта история станет поводом к тому, что в народе распространятся слухи о том, что Высоцкий сидел в тюрьме за изнасилование. Я хорошо это помню: в начале семидесятых я уже всюду слушал песни Высоцкого, и разговоры о его судимости постоянно курсировали в нашей среде. Но вернемся в год 66-й.

И вновь – строки из дневника О. Ширяевой: «**17 июня.** Днем, после экзамена, в белом фартуке я пришла к театру и неожиданно встретила Высоцкого. Коротко стриженный, помолодевший, впервые никуда не спешащий, в новом ослепительно белом свитере и экстравагантных солнечных очках. Похоже, у него впервые появились деньги.

21 июня. Закрытие сезона «Антимирами» (18.30)...»

23 июня Высоцкий вместе с театром отправляется на гастроли в Тбилиси. Концерт у него там был только один – он спел несколько своих песен, когда вместе с режиссером и группой актеров посетил **4 июля** редакцию газеты «Заря Востока».

В одном из своих писем И. Кохановскому Высоцкий так описывал свои грузинские впечатления: «Васечек, как тут обсчитывают! Точность обсчета невообразимая. Попросишь пересчитать три раза – все равно на счетах до копеечки та же невероятная сумма... Вымогать деньги здесь, вероятно, учат в высших учебных заведениях... Так и думаешь: этот – кончил экономический, этот – химический, а этот – просто

сука. Больше ничего плохого грузины нам не делают, правда, принимают прекрасно, и вообще народ добрый и веселый...»

А вот как вспоминает о тех же дня супруга Высоцкого Л. Абрамова: «В какой-то мере Тбилиси – это было открытие. Мы поняли, что это город высочайшей культуры. Я не побоюсь сказать, что Володя был там просто счастлив... Мы довольно долго ездили по окрестностям Тбилиси. Тогда-то мы и открыли для себя и Тбилиси, и грузинскую культуру. К нашему стыду, мы с Володей думали, что все лучшее из Грузии учится в московских институтах...»

Из Тбилиси труппа отправилась продолжать гастроли в Сухуми. Там впечатления у всех были уже менее радостные – сказывалась усталость. Для Высоцкого поездка туда запомнилась тем, что именно в Сухуми он написал песню «**А люди все роптали и роптали...**». Она родилась под впечатлением похода в ресторан, когда Высоцкого и его жену долго не пускали в зал, мотивируя это тем, что ожидается приезд какой-то важной делегации.

А люди все роптали и роптали,
А люди справедливости хотят:
«Мы в очереди первые стояли,
А те, кто сзади нас, уже едят...»

Тем временем в июне в широкий прокат вышел фильм «**Стряпуха**». Поклонники таланта Высоцкого, ломанувши-

еся на фильм в надежде увидеть своего кумира во всей красе, были обескуражены: Высоцкий там был на себя не похож.

Из Тбилиси Высоцкий вернулся после **10 июля**. И спустя несколько дней, прихватив жену и двоих сыновей, отправляется в Минск. Вспоминает Б. Сивицкий: «Володя с семьей остановились в гостинице „Минск“. Мы (Туров, Княжинский, Каневский) пришли к нему в гости в номер. На наши просьбы спеть Володя ответил отказом. Отказался он и сесть за стол... Но тут вдруг выяснилось, что надо провожать Люсю на поезд. Володя попросил втихаря, чтобы налили ему выпить и спрятали в ванной. Заскочив туда, Высоцкий тут же расправляет крылья и берется за гитару. Прослушав пару песен, мы поехали на вокзал. Люся с детьми уезжает в Москву. А мы начинаем гулять.

Высоцкий уже был страшно взбудоражен. Когда мы выходили на привокзальную площадь, какой-то мужик наступил Володе на ногу. И Высоцкий, обидевшись, бьет того в ухо. А мужик здоровый, ростом под два метра. Мы сбили его с ног. Схватили Володю, впихнули в такси и быстро в гостиницу. Тут Высоцкий разошелся окончательно. Сделал заказ в номер и начал импровизированный концерт. Было лето, и когда мы выглянули в раскрытые окна, то увидели массу людей, сбежавшихся слушать...»

В Минске в те дни режиссер В. Четвериков снимал фильм «Саша-Сашенька», где у Высоцкого была крохотная роль Актера, которая даже в титры не попала. Однако роль была

со словами, и Высоцкий даже пел песню «Дорога, дорога». Однако во время тонировки картины роль Высоцкого полностью переозвучит другой актер.

Тем временем съемки «Вертикали» должны были начаться **21 июля** в Приэльбрусье, недалеко от Тырнауза. Киношники приехали туда на несколько дней раньше и поселились в гостинице «Иткол». И буквально в первый же день, во время организационного собрания группы, с Высоцким произошел забавный эпизод, когда было подвергнуто сомнению авторство его песен. Вот как об этом вспоминает консультант фильма по альпинизму Леонид Елисеев: «И вдруг во время собрания радист гостиницы „Иткол“ врубил катушку с ранними песнями Высоцкого, как это вскоре выяснилось. Между нами произошла такая беседа.

– Ну надо же! И здесь мои песни! – сказал Володя.

– Как так?

– Это мои песни. Я их написал.

– Во-первых, это не твои, а народные. А во-вторых, кто поет?

– Я пою, – говорит он.

– Нет, это не ты. Это Рыбников поет. (Николай Рыбников в те годы тоже баловался исполнением блатных песен. – Ф. Р.)

– Ничего подобного! Это не Рыбников, это я пою. И песни это мои.

– А ты что, сидел, что ли? – спрашиваю.

– Нет.

– Ты знаешь, я очень хорошо знаю блатную жизнь, потому что мне в детстве и в юности приходилось много с ними встречаться. И песни эти блатные, и написать их мог только тот, кто очень хорошо знает лагерную и тюремную жизнь.

– Ну а я не сидел.

Поверил я ему, но не до конца. Ну а когда немного позже я увидел, как он написал свои первые альпинистские песни, тут тогда всякие сомнения у меня отпали...»

Между тем песни к «Вертикали» Высоцкому дались совсем непросто. О чем он **12 августа** признается в письме своей супруге: «Режиссеры молодые, из ВГИКа, неопытные режиссеры, но приятные ребята, фамилии режиссеров: Дуров и Говорухин. Фильм про альпинистов, плохой сценарий, но нужно много песен, сейчас стараюсь что-то вымучить, пока не получается, набираю пары...

Мыслей в связи с этим новым, чего я совсем не знал и даже не подозревал, очень много. Вероятно, поэтому и песни не выходят. Это меня удручает. Впрочем, все равно попробую, может, что и получится, а не получится – займем у альпинистов, у них куча дурацких, но лирических песен, переработаю и спою».

Насколько удивительно сегодня читать эти строки, зная, что Высоцкий в конце концов вымучил из себя целую серию прекрасных песен: «Песня о друге», «Вершина», «Мерцал закат», «В суету городов», «Скалолазка» (послед-

няя в картину не войдет). Даже фирма «Мелодия», расчувствовавшись после их прослушивания, выпустит в свет гибкую пластинку с этими песнями. Это будет первая официальная пластинка Владимира Высоцкого.

Вспоминает Мария Готовцева, которая работала на фильме инструктором по альпинизму: «Мы с киношниками должны были делать зачетное восхождение, чтобы каждому из них выдать значки „Заслуженный альпинист СССР“. Пошли все, кроме Высоцкого. Он тогда сказал: „Ребята, я останусь писать песни, у меня все рождается под впечатлением, и пока это впечатление свежее, я должен работать“. Нас не было неделю, и за это время Высоцкий написал все песни, которые впоследствии вошли в картину...

Однажды случился забавный розыгрыш. Съёмочная группа уже жила в гостинице, Станислав Говорухин уехал куда-то по делам, а когда вернулся, то первым делом зашел в номер к Высоцкому и никого там не обнаружил. Зато увидел на кровати какие-то исписанные листки, глянул и прочел слова только что написанной песни: «Мерцал закат, как блеск клинка...» Перечитав текст два раза, Говорухин запомнил его наизусть. Он спустился в холл гостиницы и увидел Высоцкого, который сидел с гитарой в окружении нескольких актеров. Не успели поздороваться, как Высоцкий похвастался, что написал великолепную песню для фильма и готов ее исполнить. Ударил по струнам и запел: «Мерцал закат, как блеск клинка...» Говорухин тут же шумно его прервал:

– Да ты что, Володя! Ты шутишь... Это же известная песня, ее все альпинисты знают... Вот припев:

Оставить разговоры,
Вперед и вверх, а там,
Ведь это наши горы,
Они помогут нам.

Высоцкий совсем растерялся и решил, что он, наверное, эту песню когда-нибудь в детстве слышал и она у него в подсознании осталась. Говорухин начал поддакивать, но у Володи был такой расстроенный и озадаченный вид, что тот не выдержал и расхохотался...»

Вспоминает Б. Дуров: «Прошло какое-то время, и Высоцкий сказал нам, что написал несколько песен для фильма. Мы решили опробовать их на зрителях... Собрались вокруг костра в альплагере. Многие слушали Высоцкого впервые. Как только он запел, наступила мертвая тишина, и так было, пока он не отложил в сторону гитару. Я сидел рядом с мастером спорта по альпинизму Димой Черешкиным. Он шепотом спросил у меня:

– Я не встречал Володю на Кавказе. Он что, Памир больше любит?

– Он только две недели здесь. Раньше в горах не был, – усмехнулся я.

– Не может быть, – не поверил Дима. – За две недели все о нас понять нельзя. Альпинизм – штука тонкая.

– А талант, – начал было я, но Дима перебил меня:

– Хочешь сказать, что талант может?

– Именно так...»

Жесткий режим работы и, главное, слово, которое Высоцкий дал режиссерам, не позволяли ему сорваться в очередное «пике». Как вспоминает Лариса Лужина, игравшая в «Вертикали» медсестру Ларису: «На „Вертикали“ мы страшно боялись, как бы Володя не сорвался. Нас еще Говорухин страшил каждый день: „Смотрите, не давайте ему ни капли, наблюдайте во все глаза, чтобы никто ему рюмки не поднес! Иначе будет сорвана съемка. И вообще – опасно в горах: щели, камнепады, пропадет человек ни за грош!“ Мы и следили с трепетом в душе... Но он в то время вообще не брал в рот спиртного, а потом были еще два года полной трезвости...

Однажды произошел такой случай. Внизу, на первом этаже гостиницы «Иткол», был бар для спортсменов. Кто-то принес дичь, и повар зажарил ее для нас. Володя был тамадой, он с интересом наблюдал, как мы пили и шумели, вел наше застолье, но сам – ни-ни. И вдруг срывается из-за стола, бежит к стойке, бармен наливает ему полный стакан водки, Володя выпивает его и с бутылкой в руках исчезает в своем номере. Мы обреченно последовали за ним. Входим. И что же? Рядом с ним стоит бутылка, а он хохочет: «Там вода! А здорово мы с барменом вас разыграли, правда?» Все вздохнули с облегчением...»

К слову, именно Лужина вдохновила Высоцкого на напи-

сание песни **«Она была в Париже»**. А другую свою вещь – **«Скалолазка»** – Высоцкий посвятил Марии Готовцевой. Последняя вспоминает: «С Володей во время съемок я общалась немного, он в основном тянулся к Толе Сысоеву. У Высоцкого с Толей были какие-то свои мужские взаимоотношения, они часто ходили на почту, откуда Высоцкий посылал письма жене. Вот в одну из таких вылазок он и сказал Толе, что „Скалолазка“ – для меня. Я сама и подумать об этом не могла – ну мало ли в горах скалолазок! Может, он это Лужиной написал или Кошелевой. А Сысоев уже потом мне сказал...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.